

The background of the entire page is a watercolor illustration of several flowers. The flowers are in various shades of purple, magenta, and pink, with some having bright yellow centers. The petals are layered and overlapping, creating a sense of depth. Green leaves are also visible, particularly on the right side. The overall style is soft and artistic, typical of watercolor painting.

Ирина
Волчок

ЭЛИТА

ВЗГЛЯД
СВЫСОКА

Ирина Волчок
Элита. Взгляд свысока
Серия «Все люди – разные»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4584297

Элита. Взгляд свысока: [роман] /Ирина Волчок: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119505-2

Аннотация

Богатые, известные, почти всемогущие... Элита. Сколько людей мечтают войти в этот круг избранных! Но войти в него со стороны очень трудно, почти невозможно. Правда, выйти – еще труднее, если всемогущий не захочет тебя отпустить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ирина Волчок

Элита. Взгляд свысока

Серия «Все люди – разные»

Оформление – Элина Кунтши

© И. Волчок, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

В кармане припадочно затрясся телефон. Настя только-только уснула, спала беспокойно, поскуливала во сне, хмурилась... Ее сейчас не следовало бы оставлять одну. Но Хозяйке говорить об этом бесполезно, Хозяйка вряд ли помнит, что у нее есть дочь. Это даже и хорошо, по крайней мере, ребенок огражден от влияния этой идиотки. Почти огражден. Во всяком случае, что касается Александры, то уж она-то делает все возможное, чтобы ребенок с матерью встречался как можно реже. Но время от времени в тараканьих мозгах Хозяйки что-то перемыкало, и тогда она вдруг решала, что пора заняться воспитанием дочери. Или – чаще – ее гардеробом. Или – реже – ее здоровьем. Тогда Хозяйка звонила Александре и приказывала привести Настю. Почти всегда звонила именно тогда, когда Настя спала, обедала, занималась уроками или болела. Среди ночи тоже звонила. Хозяйка не очень понимала разницу между ночью и днем. В самом начале Александра сдуру два раза выполняла Хозяйкины приказы. Потом – сдуру же – пыталась что-то объяснять. Потом научилась эти приказы аккуратно обходить. Или даже не очень аккуратно. Выбор метода зависел от того, что Хозяйка в тот момент предпочла: обкуриться, нанюхаться или нализаться какой-нибудь дряни. Из огромного количества всякой дряни, хранившейся в ее личном баре, Хозяй-

ка предпочитала виски с кока-колой.

Александра вышла из детской, прикрыла дверь и вынула из кармана припадочный телефон.

– Александра, зайдите ко мне. Я в своем кабинете, – светским голосом сказала Хозяйка и отключилась.

Хозяйкин светский голос поразил Александру в первую же встречу. Он вообще почти всех поражал. После замужества Хозяйка стала брать уроки дикции. Или сценической речи? В общем, преподаватель из какой-то фирмы, специализирующейся на обучении тараканих, набежавших на запах денег и блеск бомонда откуда-нибудь из-под райцентра с поэтичным названием Заподлюкино, в свое время объяснил Хозяйке, что говорить «хто», «ды прям» и «шо такое» не следует. И матом ругаться в обществе не следует, особенно в обществе людей, от которых зависит бизнес мужа. Еще не следует слишком широко открывать рот, когда ешь, говоришь и смеешься. А то заметны железные зубы. Могут не понять. И тараторить взхлеб, брызгая слюной, тоже не следует.

Может быть, преподаватель объяснил и то, что делать следует, но вряд ли Хозяйка могла запомнить сразу такой объем информации. А то, что запоминала, применяла на практике не всегда. Но когда применяла – вот тогда и поражала всех своим светским голосом: говорила, сжав зубы, странно артикулируя одной нижней губой, в самых неожиданных местах фразы понижая и повышая голос, и при этом время от

времени цыкала зубом. Правда, железные зубы она заменила фарфоровыми. Хотела заменить и остальные, но сначала все как-то некогда было, а потом решила, что и так ничего. А что немножко желтые и слегка кривые – так это почти незаметно, если рот не очень широко открывать. Главное – не болят пока, так что зачем без пользы деньги тратить?

Хозяйка не любила тратить деньги без пользы. Хозяин из-за каких-то пустяков время от времени блокировал ее счет, и ей приходилось страшно экономить буквально на всем, чтобы денег хватало на полезные траты. Даже был случай, когда она почти неделю не покупала себе ни одежды, ни обуви, ни украшений, потому что опять осталась на мели, с какой-то незначительной мелочью наличными. Мелочи едва хватало на самое необходимое – на кокаин и на визажиста. Хозяин целую неделю держал ее на голодном пайке. Хозяйка даже собралась уже желтый бриллиант своей Дашке продавать. Но обошлось. Хозяин ее вовремя простил.

Из-за двери кабинета доносились невнятные стуки и шорохи и внятный мат. Светским голосом. И запах из-под двери шел какой-то странный. Скорее всего – нализалась. А потом опрокинула несколько бутылок разной дряни из своего личного бара. А потом от расстройства распотрошила свой НЗ и еще и закурилась. После той страшной недели жесткой экономии у Хозяйки появилась привычка всегда держать в доме стратегические запасы травки. А может быть, воскресла старая привычка к запасам. Кухарка говорила, что в пер-

вые месяцы замужества Хозяйка сама закупала продукты – всё больше консервы, макароны и крупу – и требовала, чтобы к зиме насолили огурцов, накусили капусты и наварили варенья. Все это стояло в подвале два года, прокисло, зацвело и засахарилось, а потом Хозяйка приказала отдать запасы в детский дом.

Александра звонко постучала кольцом по бронзовой ручке двери и стала ждать. Она всегда ждала, когда ей разрешат войти. Хозяйка эту ее привычку ненавидела. Но это было по правилам – входить только после разрешения. Против правил Хозяйка ничего поделывать не могла. Александра этим время от времени пользовалась. Любую Хозяйкину дурь, направленную на ребенка, можно было без особого труда дезактивировать заявлением «нет, это будет нарушением этикета». Больше всего в жизни Хозяйка боялась нарушить этикет. Все остальное нарушала не задумываясь. Вернее – даже не замечая.

Телефон в кармане опять затрясся в припадке служебного рвения. Александра неторопливо вынула его и какое-то время смотрела на экран: ХОЗЯЙКА-1. На экране этого телефона ничего другого никогда не появлялось. Служебный. У всех в доме были такие телефоны. По ним никто не имел права никуда звонить. По ним только отвечали. Хозяйке-1.

– Ксения Леонардовна, я здесь – сухомерно сказала Александра в трубку.

– Александра, вы можете войти, дверь отпертая, – свет-

ским голосом ответила трубка.

Отбой. Мат за дверь. Всё-таки, скорее всего, нализалась. Когда нанюхивается – поет или смеется. Впрочем, неизвестно, что хуже. Все хуже.

Александра толкнула дверь, переступила порог и остановилась, не решаясь ни дверь за собой прикрыть, ни еще хоть один шаг сделать. В комнате стояла плотная удушливая вонь. Похоже, Хозяйка вылила на ковер все запасы духов, дезодорантов, лосьонов и лака для волос. Запасы у нее были колоссальные. На столе, на диване и на полу валялось десятка три флаконов, флакончиков и флаконищ. Хозяйка предпочитала покупать пол-литровые бутылки дорогих духов. Ее Дашка как-то подсчитала, что большая бутылка обходится дешевле, чем двадцать маленьких. Почти на семь долларов. Количество товара одно, а цена разная. С тех пор Хозяйка экономила по семь долларов на каждом поллитре духов. На десяти литрах – почти полторы сотни. Хозяйка любила экономить. Наверное, сейчас она избавлялась от старых запасов, чтобы закупить новые десять литров. Еще почти полторы сотни сэкономить.

Хозяйка сидела на диване и сосредоточенно разглядывала обложку какого-то глянцевого журнала. Хмурилась. Глянула исподлобья, подвигала нижней губой, сказала светским голосом:

– Входите, входите. Я вас жду. Дверь закройте. И сядьте. Я не намерена все время голову задирать.

Не намерена... Новое слово в лексиконе. Наверное, в журнале вычитала. Все новые слова Хозяйка вычитывала в глянце-вых журналах.

— Ксения Леонардовна, здесь чрезвычайно душно, — брезгливо заметила Александра. — Боюсь, при закрытой двери я не сумею дышать. Сначала следовало бы открыть окно.

Ее брезгливость, чопорность, холодную отстраненность и некоторую надменность Хозяйка очень ценила. Считала это признаком аристократизма. В глубине души побаивалась и иногда пробовала подражать. Для поддержания сложившегося имиджа Александра время от времени слегка надменничала или элегантно хамила. Аристократизм по определению исключал хамство, даже самое элегантное. Но Хозяйка об этом не догадывалась. Она считала, что если хамят — то имеют на это право. Сама хамила по праву Хозяйки-1. А за Александрой признавала это право по факту происхождения. Гостям рассказывала: «У меня одна княгиня работает. Такая стерва, настоящая аристократка».

— Ды прям, душно...

Хозяйка подергала пухленьким носом, слегка свернутым в сторону. Говорят, раньше нос был свернут в сторону гораздо больше. После пластической операции Хозяйка потребовала, чтобы нос подвинули еще ближе к середине, но хирурги объяснили ей, что в таком случае будет очень заметно, что рот тоже на боку. Рот передвинуть к середине лица никак невозможно, потому что вся нижняя челюсть ассиметрична.

Можно, конечно, попробовать ее перекроить, но результат не гарантируется. Хозяйка не поверила, поехала в Швейцарию. Там ей сказали то же самое. От операции не отговаривали, но заломили такую сумму, что Хозяйка сказала светским голосом: «Совсем оборзели». Вернувшись домой, неделю обзванивала всех знакомых и с гордостью называла эту сумму, добавляя светским голосом: «Ну, что ж, недорого».

– Ды прям, душно, – сказала Хозяйка, дергая носом. – Но если хотите, можете открыть окно.

Александра стояла неподвижно и смотрела непонимающе. Хозяйка поджала губы, пошарила руками вокруг себя, нашла среди флаконов мобильник и стала долго и неуклюже искать нужный номер. Ногти мешали. Наконец нашла. Ответа ждала три секунды, но успела за это время шепотом сказать: «Падла, сука, шалашовка, уволю, шлюха, блин», – и, без паузы, громко:

– София, зайдите ко мне. Я в своем кабинете.

Почти сразу за спиной Александры тихо зашлепали резиновые подошвы, она, не оглядываясь, посторонилась, и в комнату заглянула Соня:

– Ксения Леонардовна, я пришла. Чего сделать надо?

– Стучаться надо! – рявкнула Хозяйка.

– Извините, – испуганно сказала Соня, вытаращила глаза и старательно постучала по косяку костяшками пальцев. – Дверь-то открытая, вот я и забыла...

– София, у вас склероз? – светским голосом осведомилась

Хозяйка. Еще и светское лицо сделала. Тяжелое зрелище. –
Откройте окно.

– Сию минутку!

Соня заспешила к окну, ловко переступая через валявшиеся на полу банки и флаконы, раздвинула тяжелые темно-зеленые шторы и оглянулась на Хозяйку. Та сидела, опять уткнувшись в глянцевый журнал, и на Соню не смотрела. Она не любила смотреть на молоденьких и хорошеньких девушек.

– Настежь открой, – негромко подсказала Александра холодным голосом и подмигнула Соне. – Обе створки. Пошире.

– Сию минутку! – Соня подмигнула Александре и распахнула окно. – Ксения Леонардовна, пустую посуду вынести? Из-под одеколona-то?

– Ничего не трогайте! – Хозяйка подняла кривоватый нос от журнала, щуря глаза от ломившегося в комнату солнца. – Одеколон! София, вы в своем уме?.. Можете быть свободны. Закройте за собой дверь.

– Сию минутку! – Соня, старательно обходя пустую посуду, пошла к выходу. Поравнявшись с Александрой, скроила смешную физиономию, вышла и закрыла дверь.

– Деревня, – сказала Хозяйка, с ненавистью глядя на дверь, и потерла пальцами виски. Лакированные волосы довольно громко скрипели под лакированными ногтями. – Лимита. Понаехало в столицу всякой шушеры...

Соня была коренной москвичкой, из профессорской семьи, все ее предки были коренными москвичами и профессорами – и папа, и мама, и оба дедушки, и одна бабушка, и даже кто-то из прадедов... Соня окончила мединститут и до декрета успела немножко поработать. А теперь писала кандидатскую, потому что с двухлетней Олей сидела бабушка, так что же время терять? У Хозяйки она работала ради денег. Даже простые горничные получали в этом доме раза в два больше, чем в любом другом. Всё это Хозяйка знала, служба безопасности ее мужа тщательно проверяла всех, кто появлялся в доме.

Служба безопасности не знала темы Сониной диссертации, поэтому и Хозяйка ее не знала. А всё остальное знала. Гостям рассказывала: «У меня профессорша одна работает. Такая криворукая, даже пыль как надо не сотрет».

– Ну, шо ж теперь, – сказала Хозяйка и цыкнула зубом. – Кто-то должен и горшки мыть... Александра, сядьте уже куда-нибудь. Хоть вон на то кресло. Я хотела с вами... посоветоваться.

Посоветоваться. Что-то новенькое. Хозяйка никогда ни с кем не советовалась, кроме своей Дашки.

Александра, отодвигая ногами с пути флаконы, прошла к креслу, вынула из него и поставила на стол еще три полупустых флакона, села, выпрямив спину и положив сцепленные руки на колени, и внимательно уставилась на Хозяйку. Нет, кажется, Хозяйка сегодня еще не успела нализаться.

Возможно, даже и не курила. И не нюхала – это совершенно точно. Сегодня гостей пока не было, а в одиночестве Хозяйка никогда не нюхала. Она считала, что в одиночестве нюхают только наркоманы. А она не наркоманка, она просто за компанию... Вчера – то есть сегодня ночью – была хорошая компания, ее Дашка с двумя новыми модельками. Потому Хозяйка до сих пор и шмыгает кривоватым носом и щурится на солнечный свет.

– Александра, вы как душились?

– Я не пользуюсь духами, – сдержанно ответила Александра, шевельнула кистями рук и мельком глянула на часы. Без всякой демонстрации, практически незаметно.

Хозяйка заметила. Глубоко задумалась. Решала, что сделать – спросить светским голосом, куда Александра спешит, или продолжать советоваться. Решила продолжать. Цыкнула зубом, дернула носом, раздраженно полистала журнал:

– Сами не знают, чего пишут. Кто чего... В прошлый раз писали, что на себя брызгать нельзя, только мимо. А потом в облаке ходить. А перед этим писали, что надо на руки и за ушами... А теперь вот пишут, что надо в туфли брызгать. Кто хоть в этих журналах работает? Вообще информацию не проверяют. У нас бы за такую брехню живо премии лишили. Никаких профессионалов нигде не осталось.

Хозяйке в молодости довелось почти полгода поработать корреспонденткой какой-то ведомственной многотиражки. Своим славным журналистским прошлым она очень горди-

лась.

Александра молча слегка склонила голову. Да, мол, согласна. Не осталось профессионалов.

А как они могли уцелеть? Остались только профессиональные убийцы, воры и шлюхи. Во всех остальных видах деятельности профессионализм не востребован.

– Вы посмотрите на эту рожу! Это модель?! – Хозяйка потрясла журналом и протянула его Александре.

Александра не шевельнулась. Хозяйка поднялась, подошла, отпихивая тапками пустую посуду из-под одеколona, бросила журнал на шахматный столик, стоящий рядом с креслом, и, обессиленная такой физической нагрузкой, тяжело свалилась в кресло, стоящее с другой стороны столика. Александра слегка повернула голову и без интереса взглянула на обложку журнала. Модель как модель. Не хуже других. Вернее – точно такая же, как все остальные модели. Стандартное личико, загримированное под куклу Барби. Пустенькие глазки, жиденькие волосики, ничего не выражающая улыбка. Лет шестнадцать, наверное. К двадцати – сопьется. Или снаркоманится.

– Надо делать журнал, – совсем уж светским голосом заявила Хозяйка. И лицо сделала совсем уж светское. Господи помилуй... – Надо делать свой журнал. Для настоящих... для настоящих... э-э... для настоящей элиты. Для нашего круга. Его будут делать профессионалы. Чтобы никакой лажи, только проверенная информация. И никаких

неизвестных мочалок на обложке. Только самые известные! Только суперстар! Журнал будет дорогой. Самый дорогой из всех. Не каждому по карману. Никаких демократических цен. Недоступность – вот наш девиз... то есть слоган. В общем, чтобы всякое чмо не хватало. И тираж совсем маленький, тысячи три, только для самой верхушки. А прибыль – за счет рекламы. У нас будет самая дорогая реклама. Квадратный сантиметр – пятьсот долларов! Или даже тысяча... Надо потом обдумать как следует, это вопрос принципиальный. Как вам идея?

– Я в этом ничего не понимаю, – равнодушно сказала Александра.

– Зато я понимаю, – с законной гордостью ответила Хозяйка. – У меня есть опыт работы в средствах массовой информации. Редакторство я беру на себя. Но мне будут нужны подходящие кадры. Александра, я вам предлагаю должность консультанта в моем журнале.

Нет, всё-таки накурилась, наверное.

– У меня другая профессия, – напредила Александра. – И у меня уже есть работа.

– Ой, ну прямо – профессия! – Хозяйка спихнулась, замолчала, подергала носом и примирительно сказала почти человеческим голосом: – Я и не говорю, чтоб работу бросать... Консультант – это так, как бы между делом. И деньги будут дополнительные... Много. Примерно столько же.

– Я не представляю, в какой области могу быть консуль-

тантом.

Александра опять мельком глянула на часы. Через полчаса Настя, наверное, проснется. Конечно, Нина Максимовна проследит, чтобы все было в порядке, но Нину Максимовну Настя не очень-то слушала. Даже когда здоровая была – и то начинала капризничать по любому поводу. А когда болела – вообще не подпускала няню близко и начинала плакать. Это было странно, потому что Нина Максимовна относилась к девочке хорошо. Даже очень хорошо, если сравнивать с двумя предыдущими нянями. Александра никак не могла понять, в чем тут дело. Надо бы наконец-то заняться этой загадкой вплотную. Может быть, никакой особой загадки и нет. Может быть, Насте не нравится запах новой няни. У Насти удивительная реакция на запахи, большинство из них действуют на нее непосредственно – какие-то вызывают головную боль, какие-то улучшают настроение, какие-то раздражают, какие-то даже пугают... Александру не сразу это поняла, а когда все-таки поняла – тут же стала искать врачей, которые могли бы этот феномен объяснить. Оказалось, что это не такой уж и феномен. На многих людей запахи действуют так же. Просто с разной силой. Некоторые вообще не замечают разницы между «Кензо» и ацетоном, но, тем не менее, не различаемые ими запахи и на них действуют поразному...

Может быть, это концентрированная смесь ароматов нескольких десятков разных духов на Хозяйку так подей-

ствовала? Или все-таки накурилась? Или цитирует что-то из своих любимых глянцевого журналов? Странные вещи говорит.

– Женщина должна быть независимой! – вдохновенно говорила Хозяйка. – Прежде всего – в финансовом смысле... плане... то есть не ждать, когда муж кость кинет, а самой зарабатывать, самой! Чтобы свои деньги были! И тратить их... как хочется! Безо всякого контроля, твою мать! Женщина должна быть свободной! А не чтобы каждый тут чеки проверял! Две тыщи – дорого! А кто говорил, чтобы на рынках не брала?! Блин! Да у моей Дашки ни одной тряпки дешевле двух тыщ! Потому что сама зарабатывает! Никому отчет не дает!

Хозяйка разволновалась, вылезла из кресла, принялась метаться по комнате, пиная грязными тапками с зачуханными помпонами попадающиеся на пути флаконы и машинально вытирая ладони о несколько уменьшившиеся после прошлой липосакции бока. Старая линиялая футболка на боках стала уже заметно темнее... Ну, понятно – Хозяин опять задавал бестактные вопросы по поводу не подтвержденных чеками покупок. Хозяйку мучает призрак недели жесткой экономики.

– И вообще я соскучилась по настоящей работе, – заявила Хозяйка, села на диван, выпрямила спину, положила сцепленные замком руки на колени и пошевелила нижней губой.

Успокоилась. — Я свое дело знаю. Я все-таки профессионалка. И людей я понимаю. Да, да, я понимаю людей. И умею выбирать именно тех, кто мне нужен! Ведь вы со мной согласны?

Александра опять молча слегка наклонила голову: согласна, мол. Почему бы и не быть согласной с очевидными вещами? Хозяйка действительно выбирала тех, кто был ей нужен. В мужья она выбрала Хозяина, в лучшие подруги — свою Дашку, в визажисты — Вову-дорогого, в горничные — профессорскую дочку, в бонны для дочери — княгиню. Якобы. Который час? Скоро проснется Настя.

Хозяйка опять заметила, как Александра глянула на часы. Беспокойно поёрзала, дернула носом, цыкнула зубом. Видимым усилием задавила в себе раздражение, сказала светским голосом:

— Мой выбор не случаен. Кто лучше вас знает этикет и... и все остальное? Вы будете прекрасным консультантом, Александра, я совершенно уверена в этом. Подумайте над моим предложением, серьезно подумайте.

— Хорошо, я подумаю. Я не уверена в своих... возможностях в качестве консультанта, но в любом случае спасибо за предложение. Я расцениваю это как знак доверия.

Александра поднялась, опять слегка кивнула и направилась к двери, брезгливо обходя флаконы, как комья грязи. У самой двери услышала невнятное бормотанье за спиной, обернулась, подняла брови и сделала внимательное лицо.

– А почему это вы не душились... не пользуетесь духами? – спросила Хозяйка со странным выражением – с подозрением и надеждой одновременно. – Для вас это дорого... э-э... вы не можете себе позволить, да? Конечно, всякой дешевкой вы бы не стали... А такие – это пятьсот баксов... э-э... долларов. Тут еще почти половина осталась. Возьмите, чего там. Вам понравится. Такой гламурненький запах... Моя Дашка говорит, что это хит сезона. Все жены олигархов ими душатся... э-э... пользуются.

– К сожалению, я не могу принять ваш подарок, – бесстрастно сказала Александра. – Я действительно не могу позволить себе духи. Анастасия остро реагирует на посторонние запахи.

– Да? – удивилась Хозяйка. – А-а... Ну, тогда конечно... А что она сейчас делает?

– Спит. – Александра посмотрела на часы уже демонстративно. – Через несколько минут должна проснуться.

– Чего это она так долго спит? – еще больше удивилась Хозяйка. – Ложится поздно?

Кажется, она всерьез думает, что ребенок может так поздно ложиться, что потом спит до половины четвертого. Безумие.

– Анастасия соблюдает режим, – совсем уж бесстрастно доложила Александра. – Вовремя ложится и вовремя встает. После обеда спит обычно полтора часа. Если болеет – несколько дольше.

Хозяйка покивала, подергала носом, пошевелила нижней губой и не очень уверенно спросила:

– Ну, как она сейчас?.. И вообще?..

Интересно, что она имела в виду? Может быть, просто за-
была, как выглядит дочь, и теперь ждет, что ей тут словес-
ный портрет начнут составлять?

– Спасибо, хорошо, – поблагодарила Александра. – Ана-
стасия уже выздоравливает.

– Так она болела, что ли?! – Хозяйка всполошилась, вско-
чила с дивана, попятилась подальше от двери и даже руки к
груди прижала. Вон как переживает, подумать только... До-
пятилась до письменного стола, наткнулась на него шедев-
ром липосакции и испуганно сказала: – Так надо же врача
вызвать!

– Врач был. Вчера и сегодня. Определил аллергию.

– Это заразно?

Вот в чем дело-то... Заразиться боится – вот и все ее пе-
реживания.

– Нет, – едва скрывая внезапно возникшее чувство сожа-
ления, сказала Александра. – Аллергия на запах цветущего
кактуса. Цветок пахнет гниющим мясом. Пришлось его сре-
зать и сжечь.

Она пару секунд ждала реакции, потом отвернулась, взя-
лась за ручку двери и только тогда слышала за спиной:

– Можете быть свободны, Александра.

Можете быть свободны! Ох, если бы она могла быть сво-

бодна... Когда-то давно, целую жизнь тому назад, она говорила почти те же слова матери: «Ты ведь можешь быть свободна! Просто уйди – и всё!» Мать смотрела на нее спокойным взглядом и говорила спокойным голосом: «Вряд ли ты сейчас сумеешь меня понять, Александра. Было бы славно, если бы ты так никогда и не сумела меня понять. Бог даст, получишь диплом – и будет у тебя другая работа».

Диплом Александра получила, да толку-то от этого диплома... У нее оказалась та же работа, что была у мамы. И у бабушки. И у прабабушки. В разное время их называли по-разному – учительницей, няней, гувернанткой... Александру Хозяйка назвала бонной. Такое гламурненькое слово. Всегда можно небрежно упомянуть в обществе: «У меня бонна – княгиня. Четыре языка знает. И музыку, и рисует, и танцы, и хорошие манеры... Профессионалка».

Александра вовсе не была княгиней. Княгиней была ее прабабушка, Александра Павловна Комиссарова, первая из рода потомственных гувернанток детей новой элиты. Главным образом – партийной элиты. И военной. Иногда попадались какие-то литераторы или ученые, но они тоже были из новых. И фамилия у Александры Павловны была вовсе не Комиссарова, у княгини была какая-то нормальная княжеская фамилия, которую правнучка не знала. Внучка и дочка наверняка тоже не знали. Знали бы – не уцелели бы. Фамилию Комиссарова княгине дал ее первый хозяин, уголовник Федя Клейменный. Сначала он застрелил князя, мужа Алек-

сандры Павловны, потом выбрал из княжеского добра то, что и самому пригодится, потом прихватил и девятнадцатилетнюю княгиню – эта уж точно пригодится, вон какая барынька, прямо картина писаная, даже и жалко такую красоту сразу в расход, – а потом погрузил добычу на телеги, а княжескую усадьбу поджег. Потом уголовного Федю Клейменова назначили комиссаром, он вышел в большие люди, в «высшие эшелоны власти», стал бриться каждый день, хотя бы раз в неделю – мыться, привык проверять, застёгнуты ли штаны, даже читать научился... Присмотрел хорошую квартиру, пристрелил хозяина, старого врача, – наверняка буржуев лечил, контра, – поселился в этой квартире, пользуясь только кухней, а княгиню Александру Павловну поселил в кабинете с зарешеченным окном. Держал под замком. Убежать было невозможно. Из прежней квартиры – полуподвальной комнатки с застекленной щелью вместо окна под самым потолком – тоже невозможно было убежать. Уходя, комиссар закрывал комнату на замок. Оставлял ведро воды и полбуханки хлеба. На всякий случай, вдруг у него заседание какое-нибудь на пару суток или опять ответственная командировка с заданием «красный террор». Контры-то много еще осталось, разве за один день всех перестреляешь... Да если даже и за два дня не управится, так и ничего, не помрет княгиня с голоду. Красный пролетариат до революции всю жизнь под гнетом кровопийц страдал, так вот пусть теперь и княгиня пострадает. Будет знать, как угнетать народ-

ные рабоче-крестьянские массы. Александра Павловна всю свою девятнадцатилетнюю жизнь провела за границей, по-русски говорила с акцентом, вышла замуж в Париже, и перед самой февральской революцией молодой муж повез ее в Россию кружным путем, в обход всех фронтов, – позвал старый князь, собрался умирать, хотел попрощаться. Старого князя молодые в живых уже не застали, зато застали самое начало бунта – того самого, бессмысленного и беспощадного. Александра Павловна всё удивлялась, почему полиция в конце концов не наведет порядок. Она ничего не понимала про народные рабоче-крестьянские массы, и типичного их представителя Федю Клейменого искренне считала буйно-помешанным, сбежавшим из сумасшедшего дома.

Однажды, оставшись в полуподвале одна, попробовала позвать кого-нибудь на помощь. Влезла на шаткие дощатые козлы, заменявшие стол, ручкой поварешки – ножи Федя ей не оставлял – с трудом отковыряла окаменевшую в щелях замазку, срывая ногти и в кровь обдирая руки, вынула узкую продолговатую раму, закрывающую узкое продолговатое окно – и чуть не потеряла сознание от холодного сырого воздуха, обрушившегося на нее внезапно и тяжело, как водопад. Воздух пахнул весной. В нем было много запахов, и довольно противных тоже, но в нем был кислород. Воздух пах жизнью, а княгиня в этом полуподвале уже забыла, как пахнет жизнь. Этот запах внушал надежду. Те, кто живет на свободе, в этом воздухе, в этом запахе, – они, конечно, все нор-

мальные! Они обязательно помогут ей, спасут ее от буйнопомешанного комиссара, позовут полицию, взломают дверь, выведут ее из этой ямы на белый свет, на чистый воздух, на этот пахнущий жизнью воздух...

Княгиня отдышалась, пристроила вынутую раму на козлах, вытянулась изо всех сил к узкой щели окна и, цепляясь ободранными пальцами за шербатый край проема, отчаянно закричала:

– Помогите! На помощь! Кто-нибудь! Пожалуйста, господа, помогите мне!

Она долго кричала. Почти совсем охрипла и очень замерзла. С трудом слезла с козел, сняла с деревянных нар грязное колючее одеяло, завернулась в него, стараясь не дышать, – от одеяла несло воню буйнопомешанного комиссара Феди Клейменого, – и опять полезла на козлы, уже не надеясь, что ее кто-нибудь услышит. Но хоть подышать немножко запахом жизни... Мимо окна по тротуару застучали шаги – твердые, уверенные, широкие шаги молодого, сильного мужчины. Может быть, военный? Военные всегда приходят на помощь тем, кто попал в беду.

– Помогите! – закричала она из последних сил, цепляясь окоченевшими пальцами за проем окна. – Умоляю вас! Сударь, помогите, пожалуйста! Я умираю...

Шаги смолкли, в проем окна посыпался какой-то мусор, на плечо ей шлепнулся ком сырого грязного снега, и молодой, веселый, слегка гнусавый голос – близко, наверное, го-

воривший к самому окну наклонился, – спросил:

– А шо ета, а? Баба или ишшо хто? Или кошонок мявчить? Ей, кошонок! Ты шо мявчишь? Свалилси? А вот не лазь в чужую фатеру! Кысь – кысь – кысь... Ихде ты тама?

На княгиню посыпался еще какой-то мусор и комья сырого снега, а потом в проеме показалась рука – широкая мужская рука с растопыренными пальцами. Княгиня вцепилась в эту руку обеими своими руками и отчаянно заговорила, захрипела сорванным голосом, стараясь только не разрыдаться:

– Это я! Это не котенок, это я... Пожалуйста, спасите меня... я умираю! Меня держат взаперти... Ах, боже мой, я так давно не видела неба... Сударь, вы добрый человек, я это чувствую, вы готовы даже котенку помочь... Помогите же мне! Этот сумасшедший закрывает меня здесь на замок, иногда даже хлеба не оставляет, я голодаю, а ведь у меня будет ребенок! Боже мой, разве так можно с живыми людьми...

Она не сразу заметила, что рука исчезла, а она опять цепляется за выщербленный проем окна. И говорит, говорит, говорит что-то неизвестно кому... И неизвестно на каком языке. Вот только что, кажется, что-то сказала по-французски.

– Та-а-ак... – протянул голос за окном. – Значица вона шо... Эт-та же ж... Аха. Эт-та ты хто ж такая? Эт-та же ж ты шпиёнка немецкая, а?!

– Нет, нет, что вы! – испугалась княгиня. – Я русская! И предки у меня все русские! И муж русский... был. Но этот

сумасшедший его убил... А меня здесь запер. Помогите мне! Я взываю к вашему великодушию... Надо сообщить в полицию... Вы благородный человек, сударь, я же чувствую...

– Кто блаародный? – Этот, за окном, почему-то рассердился. – Ах ты, контра! Ах ты, контра недобитая! Ах ты, шмара немецкая! Полицию ей позвать!!! Я те покажу полицию!!!

На голову княгини опять посыпалась какая-то грязь, она невольно отшатнулась в сторону, отцепила сведенные судорогой пальцы от оконного проема и наклонилась, пытаясь стряхнуть с себя мокрую и холодную мерзость.

И это ее спасло.

Прямо над ее головой один за другим раздались два выстрела, оконная рама, лежавшая на козлах, подпрыгнула и с грохотом свалилась на пол, осколки стекла со звоном брызнули в разные стороны, а поварешка, как живая, шарахнулась в угол, под топчан.

Княгиня, согнувшись и закрыв голову руками, стояла на козлах, прижимаясь к стене и стараясь не шевелиться и даже не дышать.

Сверху опять что-то посыпалось.

– Ну шо, а? Хошь полицию? – злоратно спросил голос опять очень близко, прямо в оконный проем. – Эй, контра! Сдохла? Вот так! Аха. Я ваших, поди, уже сотню в расход пустил. Как ихде встрену – так и шлепну. Уй, беда – бомбы нет... Бомбу бы ей туды – и усё, именем революции! Аха.

Голос отдалился, что-то неразборчиво бормоча, похоже, тот, за окном, решал, что делать: потратить на контру еще пару пуль или идти уж по своим делам, дел-то много. В конце-концов решил идти, столкнул в проем окна еще несколько комьев грязного мокрого снега – и ушел твердыми, уверенными, широкими шагами, весело насвистывая «Яблочко».

Комиссар Федя Клейменный пришел через несколько минут.

– Эт-та шо, а? – грозно спросил он, разглядывая мутными глазками расщепленную пульей оконную раму с остатками стекла и простреленную поварешку. – Эт-та хто тута шмаллял, ну?

– Не знаю, – равнодушно ответила княгиня, с трудом шевеля окоченевшими губами. – Я думаю, кто-то из ваших товарищей. Там, на улице. Не благородный человек, нет. Мизерабль.

– Аха... – Федя успокоился. – Тада шо ж... Тада собирай-си.

В тот же день он перевез княгиню в квартиру, освобожденную именем революции от контры-врача, и закрыл в кабинете с зарешеченным окном. Уходя, оставлял ведро воды и кусок хлеба. Ничего не изменилось. Нет, всё-таки изменилось – в окне была форточка, ее можно было открыть и подышать воздухом, который пахнул жизнью.

А через две недели в квартире началась какая-то суета, грохот передвигаемой мебели, топот множества ног и гомон

множества голосов. Кажется, и детские голоса там были. Может быть, буйнопомешанного комиссара все-таки поймали и вернули в сумасшедший дом? И сейчас в его квартиру вселились нормальные люди? Семейная пара с детьми... Надежда опять шевельнулась в душе. Но княгиня не звала на помощь. Уже боялась. Ночь не спала, все прислушивалась, что там делается, за дверью. Ничего не понятно было. Один раз кто-то прошаркал по коридору, кашляя и с подвыванием зевая. Один раз где-то в глубине квартиры заплакал ребенок. Под утро в ватерклозете сильно зашумела вода.

Утром в дверном замке, как всегда, заворочался ключ, вошел комиссар Федя. Принес кусок хлеба, два ломтика соленого сала, квашеной капусты в чеканной конфетнице черного серебра. Поставил возле дивана пустое ведро:

– Вот тебе параша. Сёдни в туалет не выведу. Моя приехала, с дитями. Сиди, не рыпайся. Голос подашь – шлепну.

Целый день княгиня сидела, не подавая голоса. За дверью кто-то тяжело ходил, все время кашляя и зевая, туда-сюда с топотом носились дети, смеялись, плакали, орали: «Мамка! Зинка щипай-и-ить!» Потом кто-то стал толкать дверь, дергать, вертеть ручку. Потом ушел. Потом опять пришел, стал звенеть связкой ключей, совать каждый ключ в замочную скважину... Это не комиссар Федя, поняла княгиня. Комиссар Федя всегда носил ключ в кармане. Наверное, это его жена наткнулась на запертую дверь и теперь подбирает ключ к замку... Надо как следует приготовиться. Надо всё как сле-

дует обдумать, и как только его жена откроет дверь – тут же и привести убедительные доводы в пользу своего освобождения...

Шестой ключ подошел. Дверь приоткрылась, в щель сунулось щекастое бабье лицо с поджатыми губами, мелким красненьким носиком и совсем мелкими глазами под широкими светлыми бровями. Глаза с подозрением метнулись туда-сюда, остановились на княгине, сжавшейся в углу дивана, и расширились.

– Эт-та вона... А?! – грозно сказала баба, распахнула дверь настежь и вдвинулась в кабинет, странно раскачиваясь на ходу и разводя руки в стороны. Очень большая баба. – Эт-та шо ж ты тут, а?! Ишь, заховалась, шалава... Убью-у-у-у!!!

Княгиня, преодолевая животный страх, с трудом поднялась, прижала палец к губам и торопливо заговорила, глядя то на страшную бабу, то на распахнутую дверь:

– Тише, я прошу вас, тише, не кричите... Вас ведь могут услышать! Это опасно... Вот, посмотрите, что у меня есть... Это дорогое кольцо, если его продать, то можно выручить много денег... Я вам отдам кольцо. Только выпустите меня отсюда... Я вас умоляю, ради Христа, выпустите меня!

Баба остановилась на полпути, замолчала с открытым ртом, уставилась княгине на живот и довольно мирно спросила:

– А ты шо тут? Делашь-то? Запертая – эт-та зачем же ж?

– Я не знаю! – сдерживая слезы, с отчаянием сказала княгиня. – Я совсем ничего не понимаю! Вот, возьмите кольцо, я прошу вас... Смотрите, какой камень!

Баба взяла кольцо, повертела в толстых обветренных пальцах, зачем-то колупнула обломанным ногтем, потом бросила на пол и насмешливо загундосила, странно кривя губы и цыкая зубом:

– Ой-ой-ой! Много денех, аха! Таких-та каменьев и за окном – полна дороха! А золото заныкала, а? Куды золото заховала, а, барынька?

– У меня больше ничего нет, – устало сказала княгиня, села на диван и положила ладони на живот – болел. – У меня больше совсем ничего нет...

– Ну и пшла отсель, – равнодушно приказала баба. – Пшла, пшла... Ишь, расселася... Дармоедка. Иш-шо и провьянт ей носят. Эт-та куды же ж, думаю, он провьянт понес? А вона куды! Аха. Пшла отсель. Пока я добрая.

Не веря своему счастью, княгиня поднялась, торопливо закуталась в старое шерстяное одеяло, до сих пор воняющее сумасшедшим комиссаром, – у нее действительно ничего не было, ни шубки, ни даже хоть жакета какого-нибудь, – и шагнула к распахнутой двери, ожидающе глядя на бабу.

– Шо, и одёжи не имеешь? – с сомнением спросила баба.

– Нет... Но это не важно! Мне ничего не нужно, в самом деле ничего, я и так благодарна вам больше, чем могу выразить! Вы благород... Я хотела сказать: вы очень добрая жен-

щина. Я буду Богу за вас молиться.

– Ах-ха, – насмешливо буркнула баба. – А Бога и нету. Ну, вот... Да. Эт-та... Ты свою цацку забери. Мне такое-т ни к чему. У меня настоящего золота полный ящик в комод. Мой понанёс. И ишшо понанесеть. Так шо ты забери ету сткляшку свою камянную.

– Благодарю вас, – сказала княгиня, с трудом подняла с пола кольцо и вышла мимо бабы в распахнутую настежь дверь.

Еще несколько метров до входной двери – и спасена. Там, на воле, она сумеет спрятаться... где-нибудь. Может быть, она найдет монастырь, или какой-нибудь приют, или госпиталь, где ей помогут. Ей и ее ребенку. До спасения осталось совсем чуть-чуть, всего несколько метров до входной двери...

Входная дверь распахнулась ей навстречу, через порог шагнул комиссар Федя, остановился, щуря красные глаза и непонятно улыбаясь. Отвел полу тулупа, рассеянно потрогал кобуру. Княгиня стояла, равнодушно смотрела, думала: пусть лучше убьет. И ее, и ее ребенка.

И тут за ее спиной заорала баба:

– Ну шо?! А-а-а! Заховал бырыньку?! Ах-ха! Провьянт носишь! Контру кормишь! Можить, ты ишшо и конфекты ей носишь?! Об своих дитях не думай-и-ишь! Об ейном ублюдке думай-и-ишь!..

Комиссар Федя закрыл дверь, неторопливо расстегнул ту-

луп, сбросил его прямо на пол, неторопливо же достал наган, слегка повел дулом, насмешливо сказал вполголоса:

– Цыть, дура... А ты, ваш-сиясьство, подь к себе. Подь, подь... А то ведь я тебя не зараз шлепну. Я сперва табе ручки прострелю. Опосля – ножки. А уж опосля – пузо. И усё. Тады ты сама помрешь.

Баба за спиной опять что-то заорала, но княгиня не успела понять – что, потому что потеряла сознание.

Очнулась на диване в кабинете. На лбу лежало мокрое полотенце. Под головой – подушка. Раньше не было. И этой ночной сорочки раньше не было, она уже больше трех месяцев спала в том же, что и днем носила. Сорочка была грубая, огромная, неновая, но совсем чистая, никакого чужого запаха на себе не хранила, пахла свежим воздухом. Жизнью. И укрыта княгиня была не вонючим грязным одеялом, а чистым, толстым, стеганым, в белом льняном пододеяльнике с кружевными прошвами по углам. В животе толкнулся ребенок – тоже очнулся. Княгиня осторожно пошевелилась, убрала руки под одеяло, положила ладони на живот. Всё хорошо. Саша, прости меня за то, что в страшную минуту я пожелала себе и тебе – смерти.

– Тетенька, ты уж проснулась?

Княгиня осторожно повернула голову. В большом кожаном кресле рядом с диваном сидела девочка. Забралась в кресло с ногами, свернулась калачиком. Обхватила острые колени руками, таращила настороженные светлые глаза.

– Я давно сплю? – спросила княгиня с некоторым трудом. Горло пересохло.

– Дык второй день ужо, – с готовностью ответила девочка и полезла из кресла. – Как мамка помёрла – с той поры и спишь. Дохтур велел, щоб не будили, а то выкинешь. Нас с Фроськой папка тута посадил, наказал за тобой смареть. Вон Фроська дрыхнеть. А я – не, я смарю. Нада папке сказать, шо ты проснулася.

– Подожди, – попросила княгиня. – Подожди, пожалуйста... Попозже скажешь... Я еще не совсем проснулась, наверное... Не понимаю ничего. Ты сказала, что мама умерла? Как же это вдруг? Почему?

– Дык папка стрельнул – она и помёрла, – сказала девочка и шмыгнула носом. – Жалко мамку. Она добрая была. Жрать давала сколь хошь. И зазря не лупила. Обещшалася в школу пустить... Ну... эт-та... Шо ж... Таперича ты нас учить бушь. Дохтур ховорить: эта хто жа такая? Прямо как быдто анхел небеснай. А папка ховорить: учительша наша, девок моих учить будеть... Тетенька! Ты шо? Ты обратно спишь?.. Ты не спи, ты походи, я зараз папку покличу...

Хорошо бы правда уснуть, а проснуться только тогда, когда весь этот ужас кончится, думала княгиня, лежа с закрытыми глазами и слушая шум вокруг себя. Хорошо бы проснуться – и не услышать ни одного слова этой странной, карикатурной речи, которую она не очень хорошо понимает, и не увидеть ни одного странного, карикатурного лица,

и не ощутить ни одного тошнотворного, грязного, мертвого запаха... Проснуться – и с облегчением понять, что это был просто ночной кошмар, в жизни ничего подобного быть не может, и ее Саша будет расти не в ночном кошмаре, а в нормальной жизни.

Дверь хлопнула. Потянуло воню комиссара Феди. Кожа тужурки скрипнула о кожу кресла. Федя посопел, поцыкал зубом, весело сказал:

– Вона... Ишь, пужливая какая. Мамзелька халантерейная... Ты меня не боись. Я тя не шлепну. Девоч моих бушь учить. Ах-ха. Шоб и читать, и музыку, и по-немецкому... Усё, шо полахается... у вас, у барыньков. Как следоваить учить бушь. Я саботажу не спущу. Ежели вредительство замечу – так и усё, именем революции... А сына родишь – женюся. Вот те крест... то ись честное большеависское. Как я таперя вдовый. Поняла?

– Поняла, – сухо ответила княгиня и открыла глаза.

Проснуться не удавалось. Кошмар не заканчивался. Сумасшедший комиссар сидел в кожаном кресле, смотрел мутными глазами, непонятно улыбался.

– Поняла, – повторил он и подергал носом. – Ну, шо ж... Лады. Меня тож обучать бушь. И шоб без хлупостев. Шоб не рыпалася ишшо куды. На усю жисть запомни: эт-та ты мою бабу порешила. Так шо сиди тихха. Тебя ужо ишшуть. Поняла?

Княгиня поняла главное: буйнопомешанного Федю Клей-

мёного никто не собирался ловить и возвращать в сумасшедший дом. Ее ребенок родится в этом кошмаре. Сумасшедший комиссар угрожал, что женится на ней, если родится сын... Княгиня прижимала ладони к животу и истово уговаривала ребенка: Саша, родись девочкой. Саша, если ты родишься дочкой, мы хотя бы этого ужаса избежим.

Две дочери комиссара Федя, двенадцатилетняя Лиза и девятилетняя Фрося, помогали княгине не сойти с ума. Девочки были здоровые, нормальные, только очень запущенные. Они совсем ничего не умели и совсем ничего не знали. Но учились с жадностью, смотрели княгине в рот, пробовали подражать... Забавные. Помогали по хозяйству. По хозяйству они многое умели, кухаркины дети. Показывали, как надо чистить картошку, топить печь, замачивать белье перед стиркой. Почти все делали сами: «Тебе нельзя, чижжало, а мы привыкшие». Они были тоже очень одиноки, эти дочери сумасшедшего комиссара.

Первого июля 1918 года княгиня Александра Павловна родила дочь Александру. Александру Александровну. Комиссару было всё равно, какое отчество у девочки. На княгине жениться он раздумал. И вообще оставил в покое. У него теперь была какая-то стриженная барышня, которая ходила в кожаных галифе и тужурке, в высоких сапогах, в черном картузе, говорила басом, курила самокрутки и нюхала кокаин. Может быть, комиссар Федя собирался жениться на курящей барышне. Однажды даже в дом ее привел. Барышня

брезгливо поморщилась при виде девочек в чистых нарядных платьицах, с белыми бантиками в аккуратно заплетенных косичках, сказала тягучим басом:

– Какое безу-у-умное мещанство... Рюшечки... ленточки... Фу, по-о-ошлость какая.

При виде княгини барышня хищно подобралась, бросила на пол самокрутку, растерла сапогом, наставила на Александру Павловну указательный палец с не очень чистым ногтем, быстро заговорила никаким не басом, а довольно визгливым нервным голосом:

– Что? Кто такая? Из бывших? Контра? Это как понимать? Что тут делает? Скрывается? От справедливого возмездия? Документы!

– Это тетенька! – с удивлением сказала Фрося. – Папа, это ведь тетенька, да? А я думала – дяденька!

– Цыть, – добродушно сказал комиссар Федя, непонятно улыбаясь. – Не балуй, отлуплю. Эт товарищ Липкина, ответственный работник. За литературу отвечает... Алексанна Пална, ты бы шла с девками... с дитями то ись. Уроки учить.

Княгиня обняла девочек за плечи, повела в кабинет, который был и ее жилищем, и комнатой для занятий. Деревянная колыбель маленькой Александры тоже там стояла. За спиной комиссар Федя негромко говорил товарищу Липкиной, ответственной за литературу:

– Шо ты кипеж подняла? Эт учительша. Девоч моих обучает. Трудящий элемент. Все у ей есь. И документ, и всё...

И фамилие есь... Комисарова, во так. Алексанна Пална Комисарова. Ах-ха.

Через несколько дней у княгини действительно появились документы. По новым документам она числилась Александрой Павловной Комисаровой, вдовой, имеющей дочь Александру Александровну Комисарову. Происхождения обе они были рабоче-крестьянского. Комиссар Федя показал документы княгине, потом спрятал их в ящик стола, закрыл на ключ, ключ повесил на общую связку, которую всегда носил с собой, с непонятной улыбкой сказал:

– Вот так. Цени. И не рыпайся. Ты у меня навсегда вот где! – Комиссар Федя сжал синий костлявый кулак, потряс им перед носом княгини и хитро подмигнул мутным глазом: – И о девке своей помни. По-о-омни о девке-то... Поняла?

Комиссар Федя, несмотря на свое очевидное безумие, учился старательно и в последнее время начинал говорить гораздо грамотнее. За это его время от времени повышали в должности. Или в звании? Княгиня этими вопросами не интересовалась. Она интересовалась только детьми. Всеми детьми, не только своей маленькой Александрой. Дети ее радовали. Они очень быстро научились читать и писать, немножко играли на рояле, стоявшем в самой большой комнате огромной квартиры покойного доктора, неплохо рисовали – особенно Фрося, у нее настоящий талант обнаружился, – и с удовольствием – хоть и с невероятным акцентом

– говорили по-французски, по-немецки и даже немножко по-английски. Маленькая Александра говорила на всех этих языках без акцента, и на итальянском тоже. Но маленькая Александра проводила с матерью круглые сутки, а Лиза и Фрося уже ходили в школу, откуда постоянно приносили всякие «да уж прям», «здрости вам» и «дура чертова». Княгиня тратила массу душевных сил, чтобы каждый раз возвращать их в нормальный образ. Наверное, не зря столько сил тратила: когда в двадцать пятом году товарищи по партии за что-то шлепнули сумасшедшего комиссара Федю, а потом пришли к нему домой искать доказательства его вины, самый главный из тех, кто искал, долго с изумлением смотрел на дочерей комиссара, которые хорошо держались и хорошо говорили, долго изучал бумаги, давным-давно запечатые комиссаром в ящике письменного стола, долго молчал, задумчиво дергая носом и гоня смятую «козьей ножкой» папироску из угла в угол тонкогубого рта, а потом решил:

– Вы, гражданка Комисарова, будете работать у меня. Вы же учительница? Вот и правильно. У меня две маленькие дочки. Мне такая учительница для них нужна.

– А Елизавета и Ефросинья? – осторожно спросила княгиня. – Что будет с ними? И у меня есть дочь, ей семь лет.

– Семь лет – это что ж... с собой заберете, – решил самый главный. – А эти – взрослые уже. Пристроятся куда-нибудь. Вон какие... выученные. Пусть сами в учительницы идут. Но не в Москве. В Москве их тут же вычистят. Из-за отца. А

где-нибудь в деревне – пожалуйста. У нас дети за родителей не отвечают, всё по справедливости.

Девятнадцатилетнюю Лизу отправили куда-то под Самару, учительницей в деревенский ликбез. Шестнадцатилетнюю Фросю взяли горничной в дом какого-то командарма из новых. Княгиня через несколько лет случайно узнала, что Фрося покончила с собой. О Лизе никому ничего не было известно.

Самый главный – тот, который командовал обыском в квартире комиссара Феди, – оказался каким-то крупным чинов. Или чинов сейчас уже нет? Княгиня так и не научилась разбираться в структуре новой власти. Ей казалось, что и структуры как таковой не было. Был один сумасшедший дом, где командовали не врачи, а пациенты. В сумасшедший дом случайно попадали безвинные дети. Если их невозможно освободить из этого сумасшедшего дома, так ведь можно попробовать хотя бы сохранить их здоровыми. Вдруг когда-нибудь им удастся вырваться отсюда... Или все буйнопомешанные перестреляют наконец друг друга, и останутся только дети, которые не отвечают за родителей...

Второго хозяина княгини тоже расстреляли товарищи по партии, но гораздо позже, уже в тридцать седьмом. Свету и Галю, четырнадцатилетних двойняшек, увезли в разные колонии для малолетних. Жену хозяина тоже куда-то увезти хотели, но она успела сама умереть – говорили, что от сердца.

Александр Павловну забрал в свой дом тот, кто подписывал смертный приговор второму хозяину. Очень Большой Начальник. У Очень Большого Начальника тоже была дочь, которую следовало бы кой-чему научить. Очень Большого Начальника перевели в Ленинград, и княгиня обрадовалась: в Ленинграде, в институте инженеров железнодорожного транспорта, уже второй год училась ее дочь. Они будут видаться почаще.

– Мамочка, – сказала при первой же встрече Александра вторая Александре первой. – Я тебя безумно люблю. Я тобой горжусь. И восхищаюсь, правда! Но, пойми меня правильно, никак не могу найти ответа на главный вопрос: почему ты всю жизнь отдала этому... этому... этому неблагодарному делу?! Ведь совершенно очевидно: ничего нельзя исправить! Исчезают одни – приходят другие, еще хуже. Ты же в любой момент можешь освободиться! Просто уйди – и всё!

– А дети? Дети-то ни в чем не виноваты, – спокойно ответила Александра Павловна. – Всё это когда-нибудь изменится, я тебя уверяю. Уже многое меняется, и даже изменилось уже. Посмотри: почти все грамотны! Я не о верхушке, я обо всех... Даже специалисты появляются. Вот ты учишься у хороших преподавателей. И еще кто-то. Вы все нормальные, умные, образованные молодые люди. Неужели вы ничего не сумеете сделать? Обязательно всё изменится, обязательно! И дети будут готовы к нормальной жизни.

– Ничего никогда не изменится, – упрямо сказала Алек-

сандра вторая. – Государством управляют кухарки... и кухаркины дети.

– В этом нет их вины, – суховаато заметила Александра Павловна. – Как нет и твоей заслуги в том, что твой отец – князь. Дети не отвечают за родителей. Это так?

– Не знаю, – уклончиво ответила Александра вторая. – Не должны отвечать, да. Но... Но я с ними не смогла бы вот так. Так, как ты.

– Возможно, не смогла бы, – согласилась Александра Павловна. – Но тебе это и не надо. У тебя будет другая профессия и совсем другая жизнь.

Княгиня Александра Павловна осталась в блокадном Ленинграде с восьмилетней дочкой своего третьего хозяина, Очень Большого Начальника, вдвоем в пустой холодной квартире, без запасов и без карточек. Карточки выдавали только на девочку, Александра Павловна нигде не числилась. Очень Большой Начальник был занят государственными делами где-то далеко, может быть, даже на фронте. Его жена еще до блокады уехала в Москву, навестить родителей, а вернуться уже не смогла. Александра вторая получила диплом в начале блокады и пошла работать в госпиталь. Перебралась в квартиру Очень Большого Начальника, к матери. Делила свой хлеб пополам с ней. Иногда приносила из госпиталя свой сестринский паек – пол-литровую банку пшенной баланды, в госпитале медперсонал слегка подкармливали. Кое-что из хозяйских вещей – две картины и серебряную посуду

– сумела обменять у соседей по лестничной площадке на хорошие продукты, там даже банка тушенки была. Из нее варили суп целую неделю. Три раза удалось найти замерзших ворон – тоже надолго хватило...

Но княгиня Александра Павловна всё равно умерла. И ее дочь умерла бы, наверное, и восьмилетняя Лида, если бы в Ленинград по каким-то государственным делам не прилетел прямо через линию фронта старый друг Очень Большого Начальника, тоже большой начальник. Старый друг пришел по знакомому адресу, принес жене друга гостинчики – а жены-то и не оказалось. В квартире, промерзшей до последнего уголка, оказались две непонятные фигуры, завернутые во всё, что было в доме теплого: в платки поверх пальто, в шторы поверх платков, в ковровые покрывала поверх штор... Одна фигура слабо шевелилась, совала в «буржуйку» остатки домашней библиотеки. Вторая фигура, поменьше, сидела на табурете перед буржуйкой неподвижно, тихонько, без голоса, плакала.

Старый друг Очень Большого Начальника задал двум непонятым фигурам несколько вопросов, подумал, собрал все документы, которые нашел в квартире, потом снял со стен оставшиеся картины, вытряхнул в наволочку оставшееся столовое серебро, завернул в газетку шкатулку с оставшимся хозяйским золотом, а потом позвал шофера и сопровождающего, и те забрали и погрузили все добро в «эмку», ждущую во дворе. Заодно забрали и погрузили в «эмку»

и две непонятные фигуры, завернутые во что попало. В хозяйстве всё пригодится.

Через сутки друг Очень Большого Начальника вывез его восьмилетнюю дочь Лиду и ее няню Александру на своем самолете прямо через линию фронта в Москву. При ближайшем рассмотрении в Москве обнаружилось, что Александра – другая, не та, которая няня. Может быть, ее и отпустили бы, и даже с благодарностью за спасение дочери от голодной смерти. Но Лида так цеплялась за нечаянную няню, так настойчиво рассказывала, что умерла бы, если бы не дочь Александры Павловны, и всё равно умрет, если она уйдет... В общем, у Александры отобрали документы, немножко подлечили в госпитале, чтобы хотя бы на ногах стоять могла, а потом поселили в московской квартире родителей Лидиной мамы. Лида вцепилась в нее, как в спасательный круг. Лида была слабенькая, как и сама Александра. К тому же, она помнила ее маму. Все время говорила о ней. Александра осталась с Лидой.

Дети за родителей не отвечают.

Глава 2

Настя еще капризничала, но уже совсем немножко. Температуры у нее не было, поспала она хорошо, носик и веки посветлели, никакого насморка, никаких слёз, никаких пятен на коже... Так просто капризничает, по инерции. Или из вредности: как же так, проснулась – а Александры рядом нет! Безобразие. Надо проявить неудовольствие, а то, чего доброго, у бонны в привычку войдет отсутствовать, когда бедный больной ребенок просыпается...

Ах, сколько артистизма! Отшлепать бы эту мартышку хитрую...

– Отшлепать бы вас, мисс, – мечтательно сказала Александра, склоняясь над кроваткой и глядя, как Настя надувает губы, отворачивается к стене, а сама косит из-под ресниц хитрым глазом. – Ох, как давно мне хочется отшлепать вас, Анастасия Владимировна!

За спиной осторожно кашлянула няня. Александра оглянулась:

- Да-да, можете идти.
- Да нет, что вы... Мне же еще Настю одеть нужно.
- Бог с вами, – весело удивилась Александра. – Настя прекрасно оденется сама. Не маленькая... Анастасия Владимировна, я правильно понимаю ситуацию?
- Натюрлих, – сказала Настя, перевернулась на спину и

протянула лапы к Александре. Раздумала капризничать. – Ну где же ты была?! Давай я буду вставать скорее. А отшлепать – это как?

– Вот так. – Александра перевернула Настю на живот и побарабанила обеими ладонями по тугой круглой попке. – Ну, мисс, и какое у вас впечатление?

– Вандэфул. – Настя расплылась в блаженной улыбке и зажмурилась. – Еще разочек, если можно.

– Ну, если ты так просишь... – Александра шлепнула покрепче. – Я и еще могу, мне не жалко.

– Ой! – Настя брыкнула ногами и живо села в кроватке. – Мерси, достаточно... А почему от тебя духами пахнет?

– Потому, что я не успела переодеться, – с укором сказала Александра. – Я бы успела, если бы ты вела себя прилично, а не устраивала тут щенячий скулёж. Лишних две минуты спокойно подождать не можешь! Стыдно, мисс.

– Ай м сорри, – весело мурлыкнула Настя. Ну никаких признаков раскаяния! – Я не две минуты ждала, а много... то есть долго. Э лот ов тайм. Не надо переодеваться, духами и не пахнет почти... Совсем немножко. Но это ничего. Мне даже нравится. А какие это духи?

– Понятия не имею, – призналась Александра. – Просто я попала в комнату, где разлили много разных духов. Не знаю, какой запах осел на мне. Наверное, несколько. Ты потерпишь, пока все не выветрится? Или мне лучше все-таки переодеться?

– Сач э трайфл! – Настя уцепилась за Александру и прижалась мордашкой к ее животу. Оторвалась, заглянула ей снизу в глаза и успокаивающим тоном сказала: – Видишь? Хоть бы что. Не переодевайся, мне правда нравится... А в какой комнате духи разлили? А! Наверное, ты у мамы была. А зачем?

Ах, как неудачно получилось. Надо было все-таки переодеться, прежде чем к Насте заходить. Никогда не знаешь, какая мелочь может сработать детонатором. Настя уже недели две не вспоминала о матери. А тут запах духов – и нате вам... Объясняй теперь ребенку, зачем встречалась с Хозяйкой и почему самой Насте встречаться с матерью незачем.

– Да так, надо было по хозяйству кое-что решить, – равнодушно ответила Александра, поднимая Настю на ноги и стаскивая с нее батистовую ночную рубашку. – Ну что ты опять в рукавах путаешься? Хендэ хох... Вот так, зер гут. Тебя, наверное, пора уже под холодный душ сунуть, как ты полагаешь?

– О, ноу! – с отвращением сказала Настя. – Нот эт олл. Ихь бин кранк. И уже есть хочу. Можно шорты надеть? А душ – вечером, ладно?

– Хорошо, – согласилась Александра. – Но должна предупредить, мадемуазель: вечером душ будет в два раза холоднее. А пока просто умойся холодной водой.

– Оффули, – буркнула Настя, но всё-таки послушно потопала в ванную.

– Саша, – робко подала голос няня. – Это сколько ж языков Настя знает?

– Нисколько, – честно ответила Александра. – Разве это можно считать знанием? Она только по-русски довольно сносно говорит и практически все понимает. На остальных говорит неохотно... Правда, понимает тоже хорошо. Вот начнем читать – тогда и говорить будет посвободнее.

– Как же это – читать? – не поверила няня. – Маленькая еще... Да если еще по-иностранному... Такой маленькой учиться рано еще... А то никакого детства не будет.

– Детство в любом случае бывает у всех...

Скольким мамам, няням, родственникам, врачам и вообще посторонним людям, озабоченным отсутствием детства у ее воспитанниц, Александра объясняла, что детство в любом случае бывает у всех? Просто у всех оно разное. У Хозяйки детство прошло в каком-то райцентре, где в единственной средней школе каждый учитель преподавал несколько предметов. Хозяйка окончила свою среднюю школу с золотой медалью. Очень гордилась. Правда, даже золотая медаль не помогла ей поступить хоть в какой-нибудь институт. Какой-то диплом ей купил муж, не так давно, года два назад. Хозяйка потребовала диплом после того, как ее Дашка случайно упомянула о своем... У Хозяина детство прошло в семье известных кинодеятелей. Не режиссеров, не актеров, а именно кинодеятелей. Высокопоставленных чиновников, ответственных работников, отвечающих за кино. Потом – школа

для детей ответственных работников, потом, конечно, МГИМО, как же иначе. Потом недолгая работа в Англии, потом – перестройка, потом – бизнес. Хозяин был сравнительно хорошо образован. Неплохо знал разговорный английский. Наверное, и в своем бизнесе что-то понимал. И коллекционировал редкие кактусы, чтоб ему...

– Нина Максимовна, ваши дети в каком возрасте заговорили?

Няня растерянно моргнула и неуверенно ответила:

– Ну, как все... Лялька пораньше, в год уже лопотала всюю. Алеша попозже, года в полтора. Но мало говорил. Да он и сейчас молчун.

– А как вы их учили? – с интересом спросила Александра.

– Да что ж учить? – совсем растерялась няня. – Говорила с ними, вот и всё. Они сами как-то научились.

– А на каком языке вы с ними говорили?

– Так на русском же...

– А в Англии мамы говорят со своими детьми на английском. Во Франции – на французском... В Китае – вообще на китайском, представляете? И все дети начинают уже в год говорить на родном языке. Даже на китайском.

– А... ну да, я понимаю, – неуверенно согласилась няня. – Ну так это же на родном... на одном... А Настя – сразу на нескольких. Трудно ведь. Маленькая еще.

– Со мной мама с самого рождения говорила на пяти языках, считая русский. Я не помню, как их учила. Просто заго-

ворила в год... как все – на родном.

Александра раздумала объяснять очевидные вещи. Большинство людей почему-то не понимают именно совершенно очевидных вещей. Вот и няня тоже – сама кивает, вроде бы соглашаясь, а смотрит недоверчиво. И губы складывает осуждающе.

– Еще и музыка, – с осуждением пробормотала няня, согласно кивая головой. – Вон сколько всего сразу... А ведь маленькая совсем. Ну, давайте я хоть постельку заправлю, что ли.

– И постель Настя сама заправит! – Александра вдруг развеселилась. – Нина Максимовна, да не опекайте вы ее так... плотно. Настя – самостоятельный ребенок, все, что нужно, она умеет делать сама.

– А я тогда зачем? – испугалась няня. – А мне-то что делать?

– А вы – затем, чтобы при случае оградить девочку от возможных неприятностей, – помолчав, сказала Александра. – Об этом мы с вами вечером поговорим. Попозже, когда Настя ляжет... Будете сейчас с нами чай пить?

– Ой, нет, как можно... Это совсем не положено, что вы... Я к этому не привыкла...

– Хорошо, – согласилась Александра. – Потом привыкнете. Пока можете быть свободны. Я вас часов в восемь позову.

– А сейчас-то мне что делать? – Нина Максимовна, кажется, готова была заплакать.

– Да что хотите! – Александра почти рассердилась. – Отдохните. Почитайте. Вязать умеете? Повяжите. С домом познакомьтесь. Попросите кого-нибудь, чтобы показали.

– Да, я же тут не знаю ничего, – согласилась няня. – Правда надо бы оглядеться. Тогда я пойду?

Александра молча кивнула, и няня вышла из детской, осторожно прикрыв дверь. Но тут же снова резко распахнула ее, влетела в комнату как ошпаренная, со стуком захлопнула дверь за собой, вытаращила глаза и сдавленно зашептала:

– Хозяин идет! Сюда! Уже близко!

Вот ведь курица заполошная...

– Он что, с автоматом Калашникова идет? – поинтересовалась Александра.

– Как это? – растерялась няня. – Зачем с автоматом? Нет...

– Тогда почему вы так испугались?

– Ну, так сюда же идет... – в совершенном отчаянии начала было няня.

Из ванной вышла Настя – веселая, растрепанная и совершенно мокрая.

– Облилась, – объяснила она, щелкая резинкой мокрых трусиков. – Очень сильно. Но нечаянно! Пароль д онёр. Там кран очень крепкий.

– Вот вам и дело, – подсказала няне Александра. – Найдите, пожалуйста, все сухое и помогите Насте переодеться.

– Спасибо, – с облегчением пробормотала Нина Макси-

мовна и торопливо направилась к шкафу.

– Я сама! – капризным голосом заявила Настя.

Но тут в дверь постучали. Хозяин всегда ждал разрешения войти. Научился постепенно. Александра помедлила несколько секунд, потом слегка приоткрыла дверь и строго сказала:

– Прошу подождать пару минут. Анастасия не одета.

– Ладно, подожду, – согласился Хозяин, непонятно улыбаясь.

– Бонжур, папа! – крикнула Настя из-за спины няни. – Я сейчас!

– Хай, – отозвался Хозяин. – Давай быстрее, у меня времени мало.

Александра закрыла дверь и оглянулась. Настя напяливала футболку и что-то сердито бормотала, опять путаясь в рукавах. Няня, ссутулившись и вжав голову в плечи, суетливо пыталась помогать, но больше мешала.

– Не так! – раздраженно крикнула Настя и оттолкнула руку няни.

– Мисс, как вы себя ведете? – вполголоса возмутилась Александра. – Отец все слышит. И что он может подумать? Он может подумать, что это я тебя учу таким манерам.

– Я больше не буду, – неохотно буркнула Настя. Влезла, наконец, в свою футболку, помолчала, снизу вверх глядя няне в лицо, и вдруг осторожно погладила ее по руке: – Я, правда, больше не буду. Простите меня, пожалуйста.

– Деточка моя, – умилилась Нина Максимовна. – Солнышко мое золотое... Девочка моя хорошая... И ты меня прости, если я чего не так...

– Ну-ну, – сухо вато пресекла Александра это кудахта-ние. – Вы все делаете так, Нина Максимовна, вам совершенно не за что просить прощения. А Насте – есть за что... Но она нечаянно нагрубила, наверное, еще не совсем выздоровела. Будем считать это... ошибкой. И простим Анастасию Владимировну, учитывая все обстоятельства. Мисс, застелите постель покрывалом. Нина Максимовна, можете помочь Насте.

Няня с Настей принялись в четыре руки застилать постель, шепотом переговариваясь и опасливо оглядываясь на Александру. Настя-то, ясное дело, комедию ломала. А Нина Максимовна, похоже, на самом деле Александру побаивалась. Ну-ну. Ничего, привыкнет постепенно. И с Настей наверняка подружится.

– Теперь можете позвать отца, – разрешила Александра, с удовольствием отметив, что Настя без напоминаний поддернула шорты, одернула футболку и пригладила волосы обеими ладошками. Правда, от этого волосы еще больше разлохматились, но что ж теперь...

– Кам ин, папа! – крикнула Настя и поскакала к двери.

Дверь распахнулась, через порог шагнул Хозяин, стараясь двигаться неторопливо, как всегда. Но было совершенно очевидно, что он едва сдерживает радостное нетерпение. Ес-

ли бы не было свидетелей, он бы давно уже вломился в комнату, цепляясь за углы всех этих столиков и комодиков, которых до сих пор здесь еще много осталось, схватил бы Настю в охапку, стал бы подбрасывать ее к потолку и при этом кричать грозным голосом какие-нибудь глупости вроде «А это чьё такое пузо толстое?!» В самом начале, когда Александра только-только начинала работать с Настей, именно так все и было. Хозяин свою дочь любил. Приучать его вести себя правильно пришлось довольно долго.

Впрочем, он и сейчас не удержался, подхватил Настю на руки, крепко обнял и засмеялся. И Настя крепко обняла его, обхватила всеми руками и ногами, как мартышка – пальму. Вернее – как баобаба. И тоже засмеялась.

– Если «папа» – тогда «антрэ», – сказал Хозяин грозным голосом. – А если «кам ин» – тогда «дэдди». Ву компрээнэ?

Поймал внимательный взгляд Александры, с непонятной улыбкой объяснил:

– Я беру уроки французского... и немецкого. Бизнес требует.

– Уи, майн либер фатер, – радостно чирикнула Настя. – Ай андэстэнд. Же ву зем...

Хозяин опять засмеялся, поставил Настю на ноги и с отчетливой вопросительной интонацией сказал своим вечно грозным голосом:

– Я вместе с вами пополдничаю...

– Я не возражаю, – равнодушно согласилась Александра.

Увидела полуобморочное лицо няни и сочувственно подсказала: – Нина Максимовна, вы можете идти. У вас еще много дел. Пока мы без вас постараемся справиться.

– Спасибо, – испуганно бормотнула няня и боком выскользнула из детской, бесшумно притворив дверь.

Хозяин проводил ее задумчивым взглядом, потом так же задумчиво посмотрел на Александру, непонятно улыбнулся, непонятно сказал:

– Неопровержимым фактом является тот, опровергать который никому не приходит в голову.

Александра молча слегка подняла брови. Это что такое? Может быть, какая-нибудь модная шутка сезона? Странно было бы, если бы Хозяин шутил. У него не было чувства юмора.

– Цитата одна, – объяснил Хозяин, заметив ее поднятые брови. – Из детектива... Один опытный следователь так учит молодого. Там еще много таких перлов есть... Ну, ладно, пойдемте на веранду, я стол там велел... попросил накрыть.

Такие оговорки были уже редкими. А три года назад он вообще не знал слова «попросил». Только «велел», «приказал» или «распорядился».

Александра следила, как Настя ведет себя за столом, и время от времени невольно поглядывала на Хозяина. Тот вел себя... не хуже. Нормально он себя вел. Впрочем, ничего удивительного: все-таки не из райцентра, и учился не в ПТУ, и в Англии, надо думать, пообтесался... Придраться было не

к чему. Но очень хотелось.

Хозяин оторвался от созерцания дочери, поставил чашку и быстро глянул на часы. Александра тут же придралась.

– Настя, мы задерживаем твоего папу, – озабоченно сказала она. – Ему пора на работу, но он не может уйти, пока ты сидишь за столом и пьешь свое какао двадцать... уже двадцать три минуты.

– Я уже давно выпила, – призналась Настя и вздохнула. – Я не хочу, чтобы папа уходил. Папа, а тебе обязательно на работу идти?

– Обязательно, – серьезно ответил Хозяин и тоже вздохнул. – Но не сейчас. Я с тобой немножко еще побуду... Позже. А сейчас я хотел бы поговорить с Александрой.

– О чем? – заинтересовалась Настя.

Александра укоризненно качнула головой.

Хозяин непонятно улыбнулся и ответил:

– Нужно посоветоваться по некоторым... хозяйственным вопросам.

Подумать только... Хозяйке нужно было с Александрой посоветоваться, Хозяину тоже нужно с Александрой посоветоваться... Какой сегодня день интересный. Будем надеяться, что Хозяину не пришла в голову какая-нибудь гламуренькая идея.

– Настя, тебе придется какое-то время побыть с няней, – сказала Александра. – Будь добра, пригласи ее сюда, она в гостинной.

– У-у-у... – Настя обиженно насупилась.

– Не поняла, – холодно удивилась Александра. – Что это значит? И на каком языке?

– У-у-уно моменто, – недовольно сказала Настя, но из-за стола встала по правилам и отправилась в дом выполнять приказ... то есть, конечно, исполнять просьбу Александры.

Хозяин проводил дочь задумчивым взглядом, непонятно поулыбался, спросил, понизив грозный голос:

– А вы с ней не слишком... строго? Даже меня в детстве так не муштровали.

– Пожалеешь розги – испортишь ребенка, – машинально пробормотала Александра, гадая, о чем бы Хозяину с ней советоваться.

– Что-о-о?! – вскинулся Хозяин. – Вы что, Настю... бьёте?!

Александра пару секунд смотрела на него непонимающе, потом поднялась, вытянулась струной, задрала подбородок и, заморозив голос до абсолютного нуля, свысока спросила:

– Владимир Сергеевич, это вы пошутили, я правильно поняла?

Как же, пошутил он... У него нет, не было и никогда не будет чувства юмора.

Хозяин тоже встал, с шумом отодвинув стул, посверлил ее недоверчивым взглядом, вслух подтвердил ее мысли:

– У меня нет чувства юмора. Особенно если дело касается Насти. Да сядьте вы... пожалуйста. Вон они идут. Настя и

эта, новая. Навек испуганная.

Александра оглянулась – Настя вела за руку Нину Максимовну и что-то говорила ей с важным видом. Ну, ясно – уже пытается подчинить. Вот ведь характер... Но что за руку ведет – это хорошо. Наверняка подружатся... И Нина Максимовна тут же начнет баловать девочку изо всех сил. Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Настя и няня подошли. Настя сделала скромное лицо, сложила губы бантиком, опустила глазки, но из-под ресниц поглядывала на Александру ожидающе. Няня действительно выглядела испуганной, не знала, на кого смотреть, переводила взгляд с Александры на Хозяина, с Хозяина на Александру. Судя по всему, никак не могла решить, кого следует бояться больше.

– О господи, – раздраженно бормотнул Хозяин себе под нос и отвернулся. – Беда...

– Нина Максимовна, – как можно ласковее сказала Александра. – Будьте так добры, последите за Настей, пока она гулять будет. Она будет гулять вот здесь, прямо перед верандой. И не будет убегать дальше беседки. И в кустах от вас прятаться не будет. Настя девочка умная, она понимает, что неправильным поведением может расстроить вас очень сильно. А меня – еще сильнее. Анастасия Владимировна, я правильно понимаю ситуацию?

– Ну, вообще-то, да... – Настя заметно погрустнела. – Я хотела... мы хотели посмотреть, как там новый дом строят...

Ладно, потом посмотрим, да? Саша, тогда я мячик возьму, можно? Мы с тетей Ниной хоть в мячик поиграем, что ли...

– В мячик можно, – разрешила Александра. – При условии: Нина Максимовна бегать за улетевшим мячиком не имеет права. Вам все понятно, мисс?

– Конечно, – оживилась Настя. – Я сама буду бегать.

– Не дальше беседки и не по кустам, – напомнила Александра. – Ферштейн?

– Йес, – сказала Настя и вздохнула. – Что же тут непонятного... Тогда мы пойдем... То есть: мы можем идти?

Александра кивнула и какое-то время еще смотрела, как Настя – опять за руку – уводит няню с веранды в сад. И опять что-то важно говорит на ходу. Начала психическую атаку, судя по тому, как Нина Максимовна вжимает голову в плечи и украдкой испуганно оглядывается на веранду.

– А вы уверены, что Настя все понимает?

Александра с удивлением оглянулась. Хозяин сидел, вертел в пальцах пустую чашку, непонятно улыбался.

– Что вы имеете в виду?.. Настя понимает все, что я ей говорю. И то, что сама говорит. Или у вас есть какие-то основания для сомнений?

– Нет, какие там основания... – Хозяин поставил чашку на блюдце, взял со стола чайную ложку и принялся вертеть в пальцах ее. – Просто я до сих пор удивляюсь... честно говоря, даже пугаюсь иногда. Да и многие пугаются, я ведь знаю. Все-таки Настя еще слишком маленькая, чтобы вот так... ну,

например, вот так говорить. Я уж обо всем остальном молчу... Слишком маленькая! Нет, я согласен, бывают вундеркинды всякие, гении от рождения... Так они – от рождения, это тоже понятно... Александра, я ведь Настю объективно оцениваю... Не совсем объективно, конечно, отец все-таки. Но я же помню, какая она была! Даже близко не вундеркинд! И вдруг – вон что... Вас-то саму это не удивляет?

– Что именно должно меня удивлять? – сдерживая раздражение, поинтересовалась Александра. – Девочка абсолютно нормальна. В наше время это, конечно, явление не массовое, однако и не исключительный случай. Хорошие физические данные. Я бы не сказала, что умственные способности намного выше средних, но все-таки, мне кажется, несколько выше... И практически здорова. Если не считать аллергию на некоторые запахи. Но я говорила с врачом, они уверяют, что это у многих бывает. В общем, обычный ребенок. Извините, но ничего удивительного я в Насе не вижу.

– Я этот кактус сжег, – вдруг сказал Хозяин. – Разрубил на куски и в костре сжег.

Александрe стало смешно. И грустно тоже стало. Он так гордился этим кактусом.

– Какая жестокость, – печально удивилась она. – Мы ведь уже уничтожили цветок, который так нестерпимо... пахнул. Этого было вполне достаточно. Говорят, все так делают. Главное – вовремя заметить, когда он цвести соберется. А сам кактус пусть бы жил.

– Нет, ну его, пусть лучше не живет, – с нескрываемой злобой сказал Хозяин. Помолчал, посмотрел на Александру, оглянулся на дочь, которая скакала по газону за мячиком – сама как мячик, – и вдруг признался беспомощно: – Испугался сильно. Очень сильно испугался. Главное – сам же и виноват. Сам же и притащил в дом эту гадость.

– Никаких причин для тревоги нет... – Александра тоже оглянулась, понаблюдала за Настей и пожала плечами: – Вы же сами видите – всё в порядке. Да и вообще ничего особенного не было. С детьми такое часто случается. Пустяк, не стоит обращать внимания. Все в пределах нормы. Вы об этом хотели со мной поговорить?

– И об этом тоже, – не сразу ответил Хозяин. Опять замолчал, старательно выпрямляя согнутую колесом серебряную ложку, до конца не выпрямил, бросил на стол, вынул из кармана зажигалку и стал вертеть ее в пальцах. Наверное, нервы. Раньше Александра этого в нем не замечала. Хозяин поднял глаза, непонятно улыбнулся, спросил: – Вы помните, какой была Настя три года назад?

– Три года назад Насте было два года, – с холодком ответила Александра. – И она была совершенно обычным ребенком.

Это можно было считать правдой. Во всех таких семьях дети были почти одинаковые. Раскормленные, неподвижные, с амимичными лицами, бессловесные – без слов сопящие, когда все нравилось, и без слов орущие, когда что-

то было не так. Вокруг них обычно суетились по нескольку нянек, кормили, купали, одевали, раздевали, укладывали спать, прятали от сквозняков, от солнца, от дождя, от мороза, от жары, от комаров, от собак, от кошек, от жизни... Соперничали друг с другом – перед хозяевами, не перед детьми. Друг с другом почти не разговаривали. С ребенком вообще не разговаривали. В лучшем случае – сюсюкали умильно: «А исё лозетьку за мамотьку! А исё – за папотьку! Каська холосья!» Мамы с детьми тоже не разговаривали – не до того было. Времени и так едва хватало на клубы, фитнес, кабаки, клиники пластической хирургии, чёс по бутикам, трёп по телефону и на другие важные и неотложные занятия для дам, которые вращаются в высшем обществе. Вращение требовало полной самоотдачи. При чем тут дети? У детей миллион нянек. И папы с детьми не разговаривали. У пап был бизнес, презентации, брифинги, разборки, сауны, новые проекты, старые долги, конкуренты, компаньоны и коллекционирование кактусов. При чем тут дети? Достаточно и того, что папа оплачивает миллион нянек. Обычно родители спохватывались ближе к школе. Поздно.

Три года назад Александра увидела абсолютно типичного двухлетнего ребенка. Типичного для большинства семей из этого круга. Сдобный пончик, малоподвижный, безрадостный и бессловесный.

– Настя и сейчас совершенно обычный ребенок, – сказала Александра. – Если вы ожидаете от нее каких-то особых

достижений, покорения звездных вершин и тому подобного, то должна заранее предупредить: никаких предпосылок для этого нет. Особыми талантами Настя не обладает. К тому же – довольно ленива... Вернее, ничем не увлечена настолько, чтобы заниматься этим подолгу и углубленно. Обычный ребенок. Средний.

Хозяину ее слова не понравились, наверное. Нахмурился. Смотрит подозрительно. Не поверил. Помолчал, грозно кашлянул, не менее грозно сказал:

– Я Герману Львовичу до сих пор благодарен, что вас мне порекомендовал.

Александра промолчала. Герман Львович, ее прежний хозяин, три года назад поссорился с властями из-за какой-то ерунды, кажется, из-за пары миллионов долларов, ссора зашла так далеко, что Герману Львовичу и властям стало тесно в одной стране, а поскольку власти бросить страну на произвол судьбы не могли, то пришлось Герману Львовичу уезжать и бросать страну на произвол властей. Он и уехал, прихватив все свои и несколько чужих миллионов. Заодно и семью прихватил – свою и, по привычке, часть чужой: молодую жену какого-то актера. Александру тоже прихватить хотел, потому что его девятилетняя дочь Ника не хотела расставаться со своей учительницей. Но Александра поговорила с Никой – и та передумала, хоть и поплакала на прощанье. А Герман Львович особо во все это не вникал, сказал: «Как хотите, мне же хлопот меньше» – и пообещал порекомендо-

вать ее серьезному господину. Вообще-то он порекомендовал ее четверем господам. Все они были один серьезней другого. Сидели и серьезно обсуждали, к кому Александра пойдет работать. Чтобы не ссориться, решили в карты сыграть: кто выиграл – тот выиграл. Судьба. Остальные гувернантку на работу не зовут.

Выиграл отец Насти.

Хозяин помолчал, поулыбался непонятно, неожиданно сказал:

– Вообще-то он многим вас рекомендовал. Мы... жребий тянули. Кому выпадет – тот и имеет право работу предлагать. А остальные не имеют. Мне выпало. А так бы все предлагали. У вас такая репутация.

С чего бы он так разоткровенничался? Ладно, откровенность за откровенность.

– Все и предлагали. Или не все, я не знаю. Трое. Двое – раньше вас.

– Вот как? – Хозяин заметно растерялся. Даже непонятно улыбаться перестал. Но тут же взял себя в руки: – Но предлагали меньшую сумму, да?

– Большую, – возразила Александра. Ах, как ему обидно это слышать, наверное. Они все не любят, когда кто-то из конкурентов готов заплатить больше. – Один намного больше предлагал. Почти в полтора раза.

– А тогда почему вы выбрали меня? – Хозяин смотрел уже не просто с подозрением, а с откровенным недоверием.

– Я выбрала не вас, – объяснила Александра. – Я выбрала Настю. У остальных были сыновья. Я не работаю с мальчиками.

– Уф-ф-ф, – вздохнул Хозяин с нескрываемым облегчением. – Повезло. Александра, я согласен платить вам больше.

Да что это с хозяевами сегодня? Хозяйка собирается платить ей за консультацию, Хозяин собирается платить ей за... Интересно, за что? Хозяин был широко известен редкостной жадностью. Даже собственную жену то и дело на голодный паек сажал.

– Я не просила прибавки, – с некоторым высокомерием заявила Александра. – Или вы имеете в виду какие-то дополнительные обязанности?

– Нет, зачем... – Хозяин беспокойно шевельнулся, сунул в карман зажигалку и взял со стола вилку. Тоже серебро. Мягкая. Сейчас и ее испортит. – Но если вас позовут к другой девочке и предложат в полтора раза больше, вы же можете уйти...

Она не могла уйти, бросив работу на полпути. Вернее – в самом начале пути. Но Хозяину совсем не обязательно знать ее слабые стороны. Александра сделала понимающее лицо и заинтересованный голос:

– Ах, вот в чем дело! Вы получили информацию, что меня хотят переманить... нет, как это сейчас говорят? Перекупить. Вы именно об этом хотели со мной поговорить?

Хозяин бросил на стол вилку, глянул на часы и хмуро сказал:

– Нет. Я хотел поговорить с вами о Насте. Ей не стоит здесь жить... Хотя бы какое-то время. Лучше уж в городской квартире. Или за бугор... за границу куда-нибудь. Вы бы с ней согласились поехать?.. Черт, совсем времени не осталось...

– Владимир Сергеевич, такие вопросы не решаются на бегу, – строго заметила Александра. – Мы разговариваем почти час, и только в самом конце вы мимоходом говорите о главном. Уезжать с Настей! Вы бы не могли объяснить причины для такого неожиданного решения? Я в некотором недоумении.

– Не надо давить мне на психику, – очень тихо и очень зло сказал Хозяин. – Хватит уже. Всё вы понимаете... Я и так не знаю, как говорить. Никому доверять нельзя... Все, не могу больше, опаздываю. Вечером приеду пораньше – и все-таки поговорим.

Хозяин тяжело поднялся, минуту стоял молча, глядя на нее сверху, непонятно улыбался... Нет, это не улыбка. Это у него судорога лицевых мускулов. Или зуб болит. Или он думает, что так нужно выражать чувство превосходства. Наверное, имиджмейкер поставил ему выражение лица, соответствующее представлению всей этой толпы о важности и исключительности, и теперь Хозяин поддерживает собственный имидж всеми силами. Силами всех своих лицевых му-

скулов. И лицевого нерва.

Александра понимала: она ему очень не нравится.

Он ей тоже очень не нравился. И тоже это понимал.

Видовая неприязнь. Ничего не поделаешь. Закон природы.

Но дочь он любит. Совсем как нормальный человек.

Ладно, пусть живет.

Хозяин отвернулся, перегнулся через перила веранды, грозным голосом громко позвал:

– Настя! Ком цу мир.

Настя сунула мячик в руки окаменевшей Нине Максимовне и понеслась на зов, раскинув объятия и высоко взбрыкивая ногами в стриженной траве. Сейчас шлепнется. Нина Максимовна вышла, наконец, из ступора, уронила мяч и побежала за Настей, что-то испуганно вскрикивая на ходу. И эта сейчас упадет. И все – на его глазах. А у него нет чувства юмора.

Александра уже хотела крикнуть, чтобы все немедленно остановились, но тут Хозяин неловко перевалился через перила веранды, тяжело прыгнул на землю, едва удержавшись на ногах, и бросился навстречу дочери, протягивая руки. Успел поймать как раз тогда, когда Настя споткнулась. Кажется, нарочно споткнулась, мартышка хитрая. Именно для того, чтобы отец ее подхватил. Нина Максимовна тоже споткнулась и чуть не упала. Но все-таки удержалась на ногах – ее подхватывать никто не собирался. По инерции просеме-

нила еще несколько шагов, затормозила почти рядом с Хозяином с Настей на руках, прижала руки к груди и багрово покраснела. Хозяин мельком глянул на нее. Она побледнела и полубоморочно завела глаза под лоб. Нет, это недопустимо. Надо наконец с ней серьезно поговорить.

Александра неторопливо спустилась по ступеням веранды и направилась к этой скульптурной группе.

– Саша! – восторженно сказала Настя. – Ты видела, как папа прыгнул? Прямо как человек-паук!

– Да, – подтвердила Александра. – Совершенно так же.

– Настя чуть не упала, – с некоторой неловкостью пробормотал Хозяин и поставил дочь на ноги.

– Она сделала это нарочно, – холодно объяснила Александра. – Притворилась, что сейчас упадет. Чтобы вы ее... спасли. Я права, Анастасия Владимировна?

– Я не притворилась! Я просто пошутила!

– Верю, – так же холодно ответила Александра. – Вы пошутили, мисс. В результате ваш отец чуть не сломал ногу, а Нина Максимовна чуть не получила разрыв сердца. Они оба очень за вас испугались, мисс. И оба не поняли шутки.

– Я больше не буду, – с готовностью пообещала Настя. – Саша, я... раскаиваюсь. Папа, прости меня. Тетя Нина, вы тоже меня простите.

– Девочка моя золотая... – с облегчением забормотала Нина Максимовна, постепенно возвращаясь к жизни.

– Простили? – обрадовалась Настя. – Ну, тогда пойдемте

за мячиком.

Она покровительственно взяла няню за руку и повела от веранды. И опять что-то стала ей говорить. Зомбирует.

Хозяин проводил их внимательным взглядом, обернулся к Александре, непонятно улыбнулся, неожиданно спросил:

– Вы чего добиваетесь? Чтобы Настя не умела шутить? Чтобы у нее тоже не было чувства юмора?

– Я добиваюсь гарантии безопасности окружающих, – серьезно ответила Александра. – Если у автомобиля мощный мотор, у него должны быть надежные тормоза. А то могут пострадать пешеходы.

– А какое нам дело до пешеходов? – надменно поинтересовался Хозяин.

– Среди них могут оказаться и родственники, – заметила Александра. – Или вообще в стену можно въехать.

Хозяин растерянно моргнул, тревожно оглянулся на дочь, помрачнел, неприязненно помолчал, наконец сказал угрожающим тоном:

– Вы правы... Вечером поговорим. Мне пора.

Помахал рукой Насте и быстро зашагал в обход дома к машине, стоящей с другой стороны, у главного входа. У главного входа всегда стояла какая-нибудь машина, и в ней всегда сидел водитель. Ждал. Иногда две машины стояли, по водителю в каждой. Иногда – три. Третья – Хозяйкина, без водителя. Хозяйка любила водить сама. В среднем раз в три месяца попадала в аварии. Каждый раз машина – в металло-

лом. Сама ни разу заметно не пострадала. У пьяных и сумасшедших свой бог. Беда...

Настя привела за руку Нину Максимовну. У Насти вид был очень довольный, у няни – несколько растерянный.

– Анастасия Владимировна, не будете ли так любезны сообщить мне, на какое правонарушение вы подбивали Нину Максимовну? – поинтересовалась Александра.

– Да нет, что вы, – торопливо заговорила Нина Максимовна, поймала взгляд Александры, смешалась и замолчала.

– Ничего не нарушение, – убедительным тоном сказала Настя, честно тараща глаза. – Мы, наоборот, хотели тебя попросить! Чтобы вместе посмотреть, как там дом строят. А потом уже – музыка. Ладно? А то, если сначала музыка, уже поздно будет. Уже все уйдут, а тогда что там смотреть?

– Хорошо, – согласилась Александра. – Это действительно небольшое нарушение. Ладно, пойдем смотреть дом. На твоём месте я бы захватила альбом и карандаш. Ты помнишь, где все лежит?

– Я сейчас принесу, – встрепенулась Нина Максимовна.

– Ну, что вы, – важно сказала Настя. – Я сама. Я девочка самостоятельная... Вон альбом, в кресле лежит.

Она потопала на веранду, к плетеному креслу в углу, где всегда оставляла свои альбомы, карандаши и краски. Александра подозревала, что оставляла специально, в расчете на то, что кто-нибудь посмотрит ее рисунки и похвалит. Сама она никому, даже отцу, свои рисунки не показывала, на по-

хвалу не напрашивалась. Характер.

— Хорошая девочка, — растроганно бормотнула Нина Максимовна. — Из такой семьи, а такая... не капризная. А вы с ней вон как строго. Зачем же так? Ведь очень хорошая девочка. Не избалованная.

— Не балую — вот и не избалована, — объяснила Александра. — И вы, Нина Максимовна, не вздумайте Настю баловать. Ну, мы вечером и об этом поговорим.

Ах да, вечером же еще с Хозяином разговаривать придется... Наверное, разговор будет нелегким. Вон он сколько вокруг да около ходил, прежде чем решился сказать, что Насте в этом доме жить не следует. Открыл Америку. А раньше о чем думал? Скорее всего, и сейчас не сам додумался. Скорее всего, кто-нибудь донес что-нибудь совсем уж интересное. Чего такого он не мог знать о Хозяйке раньше, чтобы сейчас вдруг озаботиться ее возможным влиянием на дочь? Во всяком случае, ничем другим его озабоченности Александра объяснить не могла. Но отсылать Настю за границу? На редкость глупая идея. С ее внезапными аллергиями на самые, казалось бы, обычные запахи — и в непривычные условия! В другой климатический пояс, в другую флору и фауну, в другую воду, в другой воздух! И кухня там другая будет. Или он собирается отправить дочь не с одной Александрой, а вместе со всем штатом прислуги? Включая повара и охранников... Странно все это. Намного проще отправить куда-нибудь за границу жену. Тем более, что она давно просится. Согласи-

лась бы поехать и без прислуги. И Насте в этом случае покидать дом не было бы никакой необходимости.

Покидать дом... Или дело вовсе не в том, что в этом доме, в опасной близости к дочери, живет Хозяйка? Может быть, возникла какая-то другая опасность? Извне. Из этого его бизнеса. От этих его братьев по элите. От каких-нибудь таких же хищных и ненасытных, как он. Или от какого-нибудь законотворца, с которым он вовремя не поделился. Или поделился, но мало... Может быть, он от грядущих неприятностей хочет спрятать Настю? Это каких же масштабов должны быть грядущие неприятности, чтобы сам Хозяин их опасался?

До самого вечера Александра все думала о масштабах возможных неприятностей и о связанных с ними переменах в судьбе Насти. Да нет, какой вариант ни возьми, ничего страшного девочке угрожать не должно. Киднепинг давно вышел из моды. Взрывать машины и сжигать дома людей такого калибра тоже вряд ли кому в голову придет. Сейчас принято людей такого калибра сажать в следственный изолятор на время, достаточное для того, чтобы разрушить их бизнес до основания. А затем кто был ничем – тот станет всем. Какой-то виток спирали развития цивилизации замкнулся кольцом, и теперь все бежит по кругу – по второму кругу, по третьему кругу, по десятому кругу... Все по тому же кругу. Высший круг. Бегают по своему кругу, как тараканы внутри ловушки. Погибают от отравления продук-

тами собственной жизнедеятельности. Одни погибают – на запах падали приползают другие, тощие и голодные. С аппетитом жрут павших. Ничему не учатся. Из замкнутого круга выбираются немногие. На верхний виток спирали – вообще считанные единицы. Остальные выпадают на нижний виток. Остался жив – повезло. Детей жалко. Дети за родителей не отвечают.

Большая удача, что Хозяин более-менее вменяемый. Даже скорее более, чем менее, когда дело касается дочери. Дочь-то, наверное, он сумеет обезопасить. При любом раскладе для себя. Хозяин понимает, что Насте придется жить в мире, который он не в силах контролировать. Очень хорошо он все это понимает, судя хотя бы по тому, что не вмешивается в работу Александры. Несмотря на всю свою очевидную к ней неприязнь. Нет, Хозяин в этом вопросе не дурак. От него зла для дочери ждать не надо. Это все-таки не Бешеный Полковник.

Чтоб он в аду горел вечно.

Александра не верила ни в какой ад, ни в какой рай, ни в какие разборки после смерти – каждому воздастся по грехам его и так далее... Но каждый раз, вспоминая Бешеного Полковника, она с лютой ненавистью думала: чтоб он в аду горел. Вечно. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Вот это и будет высшей справедливостью.

В высшую справедливость она тоже не верила. Стреляли-то вовсе не в маму, а в ее хозяина. А убили маму. Мама

тогда как раз гуляла во дворе с маленькой Лидой, внучкой той самой Лиды, которую бабушка спасала от голода в блокадном Ленинграде. Бабушка после войны так и осталась в семье Очень Большого Начальника. Хотя семьи как таковой уже и не было. Жена Очень Большого Начальника еще в сорок четвертом ушла к какому-то другому начальнику. Его в сорок шестом расстреляли, а жену сослали, она так и пропала. А Очень Большого Начальника расстреляли уже в сорок девятом. Он знал, что его расстреляют, и успел подготовиться: дочку отдал родителям бывшей жены, опекунство им оформил, фамилию сменил, перевез всех куда-то под Москву. И няню тоже. В общем, когда его расстреляли, дочку и родителей бывшей жены не нашли. Может быть, никто особо и не искал. Они все тихонько жили себе где-то под Москвой, радовались, что живы остались, растили двух девочек – дочку Очень Большого Начальника, земля ему пухом, и дочку няни, маленькую Сашу, Александру Александровну Комисарову. Александру третью. Старики подозревали, что Александра третья – сестра их родной внучки, но няню с ребенком из дому не гнали. Еще помнили, что няня их родную внучку от голодной смерти спасла. Да и в доме она очень полезна была. Старики тогда как-то сразу сильно сдали, болели без конца. Как бы они одни с ребенком?

А после пятьдесят третьего все повернулось, перевернулось, вывернулось, и Старик опять стал ответственным работником, а Старуха купила себе беличью шубу, вытащила

из матраса кое-какие колечки и брошки и стала вращаться в высшем обществе. В обществе таких же старух, переживших черные дни и вынырнувших наверх без особых потерь. Если не считать особыми потерями потери родных и близких. Как правило, они и не считали. Немножко повращавшись в высшем обществе, Старуха нашла для внучки подходящую партию – сына одного из тех, кого не успели, но, по слухам, очень хотели расстрелять старые товарищи по партии. За это новые товарищи по партии признали его своим и приняли в свои ряды. В свой круг. Избранных.

Лида вышла замуж за сына этого избранного, который тоже обещал вскоре стать избранным. После МГИМО – заграница, все, как положено. Лида не хотела расставаться со своей няней, и когда молодой муж увидел дочь няни, которая в свои шесть лет болтала по-английски свободней, чем он после своего МГИМО, его и уговаривать не пришлось оставить няню в семье. Он очень надеялся на оттепель и связанные с ней заграничные перспективы. И не хотел краснеть за границей за жену и детей.

Ему и не пришлось краснеть. Жена с десятимесячной дочкой остались дома, грипп какой-то к обоим некстати привязался. Муж поехал один. Через полгода должен был приехать за семьей. Через полгода его аккуратно вынули из перспективной заграницы и привезли домой – совершенно спившегося. Папа пристроил куда-то в темный угол, чтобы и не на виду, и рядом с кормушкой. Каким-то ответственным ра-

ботником. Не высшего эшелона, но все-таки. Тот же свой круг. Развод в этом кругу не приветствовался. Лида пыталась мужа лечить. Подпольно. Открыто лечить от алкоголизма в этом кругу тоже не полагалось. И уж тем более – вызывать милицию, если высокопоставленный муж устраивает дома погром. Почти два года такой пытки. Потом повезло: приказал водителю выйти из машины, сел за руль, через сто метров на полной скорости врезался в афишную тумбу. Хоронили в закрытом гробу. Водителя месяц держали в КПЗ – почему пустил начальника за руль? Не уберег. Начальник грозил пистолетом, и свидетели были. Свидетелей не искали – еще не хватало, чтобы в деле пистолет появился. У пострадавшего не могло быть пистолета. Тем более, что его вовремя изъяли из разбитой машины. Водителя, в конце концов, спас отец пострадавшего. Он понимал, что водитель не мог спорить с начальником. Он даже одобрял это, хоть и не вслух. Да и сынок надоел ему до последней степени. Уже папиной карьере стал мешать своими выходками. Водителя после освобождения даже опять позвали возить какого-то ответственного работника. Водитель отговорился подорванным здоровьем. Пошел водить автобус.

Вдова со своей дочкой Галей и ее няня со своей дочкой Сашей жили все вместе, очень хорошо жили. Лида любила Александру Александровну. Считала почти родней. И Сашу почти родней считала. К тому же лучше нянь для маленькой Гали найти было невозможно. Они обе были нянями – и

Александра Александровна, и Саша. Саша была на семь лет старше Гали и очень помогала матери учить ребенка французскому, немецкому, английскому и итальянскому. И вдова Лида с ребенком иностранными языками занималась. И, конечно, Александра Александровна. В доме постоянно говорили на иностранных языках, так что по-русски Галя заговорила намного позже и не очень чисто. Лида этим даже гордилась. Что русский? Русскому и в школе выучат.

А потом умерла Старуха. Старику умереть не дали, положили в ЦКБ. Лида навещала дедушку. Как ни странно, его навещали еще и многие товарищи по партии, даже в свои восемьдесят он пользовался заметным влиянием. Там, в больнице, Лида и познакомилась с Директором. Директор был директором какого-то завода на Урале. Специально приехал навестить Старика, считал себя его учеником. Познакомился с Лидой, стал в доме бывать. Не очень часто, он в Москву с этого Урала все-таки не каждую неделю мог приезжать. Но Старик перед смертью успел замолвить словечко за своего ученика, и очень скоро того перевели в Москву, в какой-то главк. Или в министерство какое-то. В общем, приняли в свой круг.

Директор развелся со своей уральской женой, приехал на новое место работы и сделал Лиде предложение: во-первых – руки и сердца, во-вторых – отселить Галю с няней и с няниной дочкой в квартиру стариков. Он будет большим человеком, ответственным работником, ему в доме покой нужен.

А тут такая толпа.

Планы Директора чуть не сорвались – товарищи по партии не одобрили его уральского развода, а Лида обиделась за «толпу». Но тут совершенно неожиданно Александра Александровна одобрила второе предложение Директора. Действительно, зачем всем тесниться в одной квартире? Галя и так прописана в квартире стариков, вот пусть и начинает обживать ее, привыкать к самостоятельности. А Александра Александровна и Саша ей помогут. К тому же, Галя еще недостаточно взрослая, чтобы вот так сразу понять замужество матери и смириться с присутствием в доме чужого человека.

На самом деле Александре Александровне просто очень не нравился этот чужой человек. Он был совсем чужой. Совершенно парвеню. Именно таким она представляла себе сумасшедшего комиссара Федю Клеймёного по рассказам своей матери, княгини Александры Павловны.

Они переехали, Директор сказал товарищам по партии, что женится на внучке Старика, товарищи простили его за развод и оставили в своих рядах.

Лида жила непонятно. Навещая отселенную толпу, о себе ничего не рассказывала, одинаково жадно расспрашивала и о Гале, и о Саше, и о самой Александре Александровне. Приносила деньги и кое-что из распределителя. Очень огорчалась, что Александра Александровна подрабатывает уроками английского. Говорила, что чувствует себя виновата-

той из-за этого. Что хотела бы обеспечить и няню, и ее дочь так, чтобы они никогда ни в чем не нуждались. Вспоминала блокаду и Александру Павловну. Говорила, что скучает одна в четырех стенах. К себе в гости никогда не звала. Александра Александровна заранее придумывала предлоги для того, чтобы отказаться, если позовет. Но она так и не позвала.

Два раза за ней заезжал Директор, заходил в квартиру, ни с кем не здоровался, цепко оглядывался, пренебрежительно цыкал зубом, ни с кем не прощался, уводил жену. В первый раз, закрывая за ними дверь, Александра Александровна слышала, как Директор, неторопливо спускаясь по лестнице, говорил, не понижая хорошо поставленного начальственного голоса:

– Ты все-таки думай, с кем можешь общаться. С прислугой чай пить! О моем положении подумай. Я не допущу, чтобы ты меня позорила. Если с холуями вась-вась, так они вообще охámeют. Начнут воображать, что тоже люди...

– Замолчи! – шепотом крикнула Лида. – Как ты можешь говорить такие...

Александра Александровна больше ничего не слышала. Да ей и этого слышать не обязательно было. Она и раньше знала, что Директор – совершенный парвеню.

Пару раз Галю мать брала к себе на денек-другой. Оба раза Галя возвращалась хмурая и молчаливая. В третий раз ехать в гости к матери почти грубо отказалась. Мать не настаива-

ла, уехала расстроенная. Александра Александровна качнула головой, посмотрела на Галю укоризненно.

– Я там не могу! – сорвалась Галя. – Там плохо! И этот... мизерабль пьяный! Ненавижу! Зачем мама за него вышла?!

Пришлось отпаивать Галю валерьянкой и проводить с ней воспитательную беседу. И не один раз.

Постепенно все как-то пришло к общему знаменателю, успокоилось, притерпелось. Два дома жили отдельными жизнями, которые всё больше разнились. Эти разные жизни не связывала даже Лида, хоть и приходила часто, со временем, кажется, еще и чаще, чем прежде. Сидела подолгу, часами разговаривала с Александрой Александровной – все больше об их общем прошлом или о будущем Гали и Саши. Делала уроки с Галей. Гордилась Сашей, ставила ее Гале в пример: Саша в шестнадцать лет закончила школу и поступила в институт иностранных языков! И без всякого блат! И ты посмотри: ведь еще даже диплом не получила, а ее уже приглашают работать в несколько мест – и переводчиком, и преподавателем, и гидом! Перед ней все дороги открыты! А все почему? А всё потому, что девочка умеет добиваться поставленной перед собой цели!

Вообще-то Саша поставленной перед собой цели не особо добивалась. Само все как-то удавалось, чего там добиваться. Да и цель она перед собой поставила вполне достижимую: получить специальность – и по этой специальности работать. Как все. В трудовом коллективе. Выходить утром из дому

и идти на работу. Возвращаться вечером с работы домой. Трудовые будни – праздники для нас. Вступить в профсоюз. Встать в очередь на квартиру. Чтобы было куда возвращаться с работы. А то ведь ни у одной из Александр Комисаровых никогда не было своего жилья.

Саша получила диплом, прибежала домой, чтобы показать его маме, а потом собиралась рассказать ей о Митьке. О том, что они собрались пожениться, и о том, что она собралась родить ребенка, у которого будет отчество Дмитриевич. Или Дмитриевна. Александра Александровна ждала дочь у празднично накрытого стола. Лида и Галя уехали за подарком для Саши в какой-то распределитель и никак не возвращались. Две Александры Комисаровых ждали их, разговаривая на смеси пяти языков – для развлечения – о будущем Александры младшей. Радовались. Даже смеялись иногда, что с ними обеими случалось чрезвычайно редко.

Когда раздался звонок в дверь, обе пошли открывать, чтобы скорее порадовать новостями Лиду и Галю...

– Н-ну? – сказал Директор хорошо поставленным, но несколько охрипшим начальственным голосом и шагнул через порог, цепляясь за дверь мясистыми начальственными пальцами. – Н-ну, шо такое? А? Хде?

– Лида и Галя ушли, – сказала Александра Александровна по-русски и быстро добавила по-французски для дочери: – Немедленно позвони в милицию... нет, лучше в пожарную команду, они приедут быстрее. Скорее, Саша, он очень опа-

сен. Я попробую его задержать.

– М-лчать! – рявкнул Директор, с грохотом захлопнул дверь и шатнулся вперед, протягивая к Александре Александровне мясистые пальцы. – Кто тебе Лида? А?! Ли-ди-я Ва... Васильна! Поняла? Ты-ы-ы... отброс! Ту... ту-не-ядка!..

Саша метнулась в кухню. К телефону. Палец не попадал в дырочки диска. Потом долго не отвечали. Наконец ответили.

– Скорее, – сказала Саша в трубку. – Пожалуйста, скорее!

– Адрес какой? – равнодушно спросила трубка.

Саша скороговоркой назвала адрес.

– Что вы там как из пулемета? – недовольно пробурчала трубка. – Мне ж записать надо. Повторите еще.

В прихожей вскрикнула мама. Саша уронила трубку и помчалась в прихожую. Там Директор запикивал ее маму в стенной шкаф. Запикинул, задвинул дверцу, повернул ключ в замке. Саша бросилась на него, как кошка на кабана. Кабан удивленно хрюкнул, стряхнул ее с загривка, повернулся и небрежно, без замаха, ткнул кулаком в солнечное сплетение. Саша упала на колени, потеряла дыхание, не видела ничего, на ощупь потянулась к ключу в двери, за которой билась и кричала мама.

– Ку-уда? – весело сказал Директор. – Т-ты...шалава... знай свое место... Я т-те покажу пардон-мерси... Я т-те дам спик инглиш... Твое м-место – на к-ленях... на карачках... вот так и живи.

Саша уже почти дотянулась до ключа, уже ощутила кон-

чиками пальцев его спасительную прохладу...

– Не, ну ты тупая, – удивился Директор и ударил кулаком по ее протянутой к ключу руке. Рука повисла плетью. – Я те сказал: на карачках! Вып-лнять!

– Саша! – закричала мама. – Саша, беги!

Саша наконец сумела вдохнуть и стала подниматься, но тут Директор выругался и пнул ее ногой в грудь.

Очнулась она в столовой, на полу рядом с празднично накрытым столом. В разодранной одежде, избитая и изнасилованная. Директор сидел за столом, с чавканьем жрал что-то из общего блюда, запивал кагором из горлышка бутылки, цыкал зубом. Вытирал толстые начальственные пальцы о скатерть. Один раз промахнулся, вытер пальцы не о скатерть, а о подол рубахи, выбившейся из штанов и неровно висящей с одного бока. Выругался, попробовал заправить рубаху за ремень, сидя не получилось, тяжело полез из-за стола, повернулся, увидел Сашу. Цыкнул зубом, насмешливо сказал:

– Очухалась. То-то. При нашей бедности – такие нежности... Иди старуху свою подними. Разлеглась там поперек дороги. Ишь, театр мне тут устроили, цирлих-манирлих. Шевелись давай. Я и так уже на коллегия опаздываю.

Заправил рубаху в штаны, подтянул галстук, снял пиджак со спинки стула и стал его надевать. Совершенно спокойно.

Саша с трудом поднялась и, цепляясь за стены, побрела в прихожую, уговаривая себя, что ничего страшного с мамой не случилось. Ведь Директор совершенно спокоен. Если бы

что-то было... не так, он не был бы так спокоен. Совершенно.

Мама лежала лицом вниз, вытянув вперед руки. Пальцы, разбитые в кровь, были до сих пор сжаты в кулаки. Похоже, когда Директор открыл дверь шкафа, она выпала из него – и так и лежала. Саша села на пол рядом с мамой, с трудом перевернула ее на спину. Мама была еще теплая. Недавно умерла.

– Водой, что ли, плесни, – раздраженно буркнул Директор за спиной. – В сторону ее оттащи. Ни проехать, ни пройти. Говорю же – опаздываю.

– Мама умерла, – сказала Саша, поднялась и побрела в столовую.

На столе не было ничего достаточно острого. Столовые ножи – все с закругленными концами. Но вилки тяжелые, с длинными зубцами... на этого кабана нужны вилы, а не столовые вилки. Но если попасть в шею – тоже хорошо.

Директор стоял над мамой, сунув руки в карманы, смотрел на мамины разбитые в кровь пальцы и задумчиво насвистывал «Постой, паровоз, не спешите, колёса». На шорох за спиной обернулся, окинул Сашу холодным взглядом, брезгливо поморщился:

– Хоть бы оделась... шалава. У нее мать померла, а она тут в таком виде шастает.

Заметил вилку у нее в руке, хищно улыбнулся, нараспев сказал:

– Во-о-он чего... Вооруженное нападе-е-ение! Вот это хорошо-о-о... Вот за это я тебе кости и перелома-а-аю. Самооборона, поняла?

Он уже почти совсем протрезвел. Конечно, он переломает ей кости. Кабан. Но она успеет хоть раз зацепить его тяжелой вилкой с длинными острыми зубцами. Лучше – если в шею. Или в морду. В глаза. Не получится – зубами грызть будет. Пусть потом хоть убьет.

Кажется, он понял, что она не боится. Задумался. Попытался к выходу. Задел ботинком мамины разбитые в кровь руки. Выругался сквозь зубы, машинально глянул вниз, на миг отведя взгляд от вилки в Сашиной руке. В этот миг Саша на него и бросилась. Сумела только шею оцарапать. Не опасно, но кровь выступила обильно, струйкой потекла за воротник. Кабан перехватил ее руку одной рукой, другой потрогал царапину на шее, посмотрел на окровавленные пальцы, с удовольствием предупредил:

– Щас я тебя убивать буду.

Наверное, убил бы. Наверняка. Но тут в дверном замке закрипел ключ, дверь стала медленно открываться, и веселые голоса Лиды и Гали закричали с лестничной площадки:

– А вот и мы! Встречайте нас скорее! Мы эту коробку сами не втащим!

Директор замер, не выпуская Сашиной руки, вытаращил глаза и с детским удивлением спросил неизвестно кого:

– А эти-то чего припёрлись?

Выдернув вилку из ее кулака, чуть не переломав ей пальцы, бросил на пол, распахнул дверь и сказал хорошо поставленным начальственным голосом:

– Где вас носит? Тут черт знает что происходит. Одна валяется на полу, другая носится в непотребном виде... Допилась до белой горячки. На людей с вилкой кидается. Лидия, я тебя предупреждал, что твое потворство всякому отребью добром не кончится. Ладно, разбирайтесь тут сами. Я спешу, у меня коллегия.

Лида и Галя закричали одновременно, кинулись к лежащей Александре Александровне, стали ее тормошить, искать пульс, спрашивать что-то, плакать...

– Он маму убил, – сказала Саша.

Они обе сразу замолчали, не вставая с колен, подняли на нее глаза. Увидели, в каком она состоянии, с ужасом оглянулись на Директора.

– Я же говорю – допилась. – Директор цыкнул зубом, пожал плечами и шагнул через порог. – В психушку надо отправлять. Я распорядюсь, чтобы санитаров прислали. Все, мне пора. Вы бы милицию пока вызвали. Мало ли... буйная же.

И пошел спокойно. Совершенно спокойно. И ушел бы. И сидел бы совершенно спокойно на своей коллегии. Сменил бы в комнате отдыха за своим кабинетом окровавленную рубашку на чистую – и пошел бы на коллегия: «Здравствуйте, товарищи, задержался в пути – колесо прокололось. Ну, начнем, пожалуй». А после коллегии распорядился бы, чтобы за

Сашей прислали санитаров из психушки. И жил бы дальше спокойно. А чего беспокоиться? Он, наверное, не раз так поступал. Или не совсем так, но как-нибудь похоже. И всегда спокойно уходил.

Но в этот раз ему помешали. Во дворе сипло взревела пожарная машина, и почти сразу по лестнице вверх затопали несколько человек – бегом, очень торопились. Лида выскочила на лестничную площадку, сквозь слезы отчаянно закричала:

– Товарищи! Задержите его! Это убийца!

Директор растерялся и допустил ошибку – попытался прорваться сквозь толпу пожарных. Его скрутили и приволокли назад в квартиру. Милицию вызвали. Он орал что-то начальственным голосом о вилке, которой его опасно ранила эта сумасшедшая. Требовал приобщить вилку к делу как вещдок. Галя взяла этот вещдок и на глазах трех милиционеров, двух врачей и какого-то задумчивого типа в штатском воткнула этот вещдок Директору в пузо. Директор заверещал.

– Это я его вилкой, – спокойно сказала Галя опешившим свидетелям преступления. – И в первый раз тоже я, а не Саша. У Саши сил не хватило бы... Вы же видели, как он ее избил. Жаль, что у меня тоже сил мало. Надо было спортом заниматься, а не языки учить... Ладно, я еще займусь.

Саша не знала, что дальше было, не запомнила. Она то впадала в беспамятство, то приходила в себя на какое-то вре-

мя. Потом ее увезли в больницу. Долго лечили. Обнаружили, что беременна, предложили аборт. Она не согласилась – ребенок был Митькин.

Лида и Галя забрали ее после больницы к себе. Там она узнала, чем все закончилось. Дело совсем замять не удалось, слишком много свидетелей было, да еще собственная жена написала заявление в милицию. Директор, полежав в ЦКБ с двумя царапинами – на шее и на пузе, – вернулся на работу с видом мученика, пострадавшего за правое дело. Например, за борьбу с классовыми врагами. Товарищи по классовой борьбе все понимали, кроме одного: как можно было довести борьбу до такой огласки? Директора вывели из замкнутого круга и сослали опять на Урал, опять директором какого-то завода. Лида с ним развелась. Галя на прощанье еще раз воткнула в него вилку. И опять при свидетелях – чтобы не убил. Но опять не опасно, у Директора была и вправду кабанья шкура. В этот раз его в ЦКБ не положили, уехал на Урал поцарапанный.

А Митька пропал. В общежитии о нем никто ничего не знал. Саша написала его родителям в Ростов – те ответили, что тоже ничего не знают.

Через много лет Саша случайно узнала, что Митька умер в психушке, куда попал с диагнозом «вялотекущая шизофрения»: ходил по милициям и прокуратурам, пытался добиться наказания Директору. Конечно, сумасшедший.

Второго марта 1971 года Саша родила дочку Александру.

Александру Александровну Комисарову. Александру четвертую.

Жила частными уроками. Лида помогала. Как-то сумела квартиру ей сделать. Маленькую, и далеко – на Большой Черкизовской. Но всё-таки уже свое жилье. Потом работу нашла, переводчицей. Потом – гувернанткой в доме какого-то писателя. Маленькую Сашу, Александру четвертую, все время куда-то устраивала – то в детский сад, то в хорошую школу, то в пионерский лагерь... Потом, после школы, хотела в МГИМО устроить, но Александра четвертая не согласилась. Она хотела в Институт иностранных языков. И сама поступила, без всяких проблем.

А мама пошла в гувернантки к дочке Гали. Галя очень просила. И муж у нее был никакой не ответственный работник, а бывший спортсмен. Бизнесом каким-то занимался. Очень успешно. Можно сказать, вошел в круг новой элиты. В девяносто третьем году товарищи по элите расстреляли его из автоматов прямо во дворе собственного дома. И няню его дочери расстреляли. Не специально, просто она кинулась закрывать собой маленькую Лиду, дочь Гали, внучку той Лиды, которую княгиня Александра Павловна и ее дочь Александра спасали от голодной смерти в блокадном Ленинграде.

– Это настоящий героизм, – сказал какой-то полковник, который вел дело об убийстве крупного бизнесмена. – Я ведь знаю историю вашей семьи, Александра. То есть, историю... ну, всех ваших предков... И матери, и бабушки, и прабабуш-

ки... Нам все известно. Да сейчас вам нечего волноваться, сейчас такое происхождение уже ничем не грозит. Даже еще и завидовать будут. У меня дочка растет. Пойдете к ней в учительницы? Четыре иностранных языка! Она ж у меня королевой будет.

Александра тогда после института первый год работала в школе. Зарплата – никакая. А она собиралась замуж за Толика. У него зарплата тоже никакая была. Полковник предложил такие деньги, что за полгода работы у него можно было бы обеспечить нормальную жизнь и ей с Толиком, и будущему ребенку как раз на то время, пока она будет в декрете сидеть.

– Мне нужно поговорить с близким человеком, – сказала Александра полковнику.

– Хорошо, – согласился тот. – Я подожду. Вам недели хватит?

Александра не успела поговорить с близким человеком. Близкий человек ее опередил.

– Я встретил женщину моей мечты, – сказал Толик. – Саша, я не могу быть подлецом, я честно говорю: мы решили пожениться. Ты поможешь мне вещи собрать? Я должен уйти прямо сегодня. Видишь ли, свадьба у нас уже в субботу... А в воскресенье мы уезжаем в свадебное путешествие, в Италию... У нее в Италии свой дом, представляешь? Ах, Саша, я всю жизнь мечтал побывать в Италии!

Александра собрала скудное барахлишко Толика, с кото-

рым он полгода назад переехал в ее квартиру из общежития, пожелала ему счастья в личной жизни и помахала рукой на прощанье. На следующий день пошла и сделала аборт. У нее никогда не будет ребенка с отчеством Александрович. Или Александровна. На аборт ушли все деньги, которые она откладывала на свадьбу. Вообще все деньги ушли.

Через неделю Александра позвонила полковнику и сказала, что она принимает его предложение поработать гувернанткой его дочери. Полковник откровенно обрадовался, сказал, что жена тоже очень рада, что комната для Александры в его доме уже готова, но можно все переставить, перевесить, перестелить и переменить, если ей что-то не понравится, так что пусть она прямо сейчас и приезжает, с собой берет только самое необходимое, в доме все есть, а если понадобится что-то еще – так это не проблема, он лично проследит за тем, чтобы у Александры было все, что ей нужно... Так что куда машину за ней прислать?

На следующий день она приехала.

Глава 3

Настя уснула, и Александра увела Нину Максимовну в небольшой холл прямо напротив детской. Удобные кресла, чайный столик, в распахнутое окно из сада осторожно проникает вечерняя свежесть. А комары не проникают – окно затянуто густой нейлоновой сеткой. Сетку Александра время от времени мазала гвоздичным маслом. На запах гвоздичного масла у Насти аллергии не было, а у комаров – была. И мимо никто не шастал – ни в саду за окном, ни по коридору. Особенно в десять часов вечера. Хорошее место для откровенного разговора.

– Нина Максимовна, вам нравится Настя? – без особого интереса спросила Александра, обдумывая основные тезисы будущего разговора.

Сейчас Няня начнет восхищаться необыкновенным умом и многочисленными талантами ребенка и хвалить бонну за блестящие результаты обучения. Вот тогда и можно говорить о целях и задачах. И о роли няни в деле совершенствования достижений и побед.

– Ну, как бы это помягче выразиться, – неожиданно сказала Нина Максимовна. – Настя всё-таки очень... странная. Нет, я не говорю, что она мне не нравится... Скорее – наоборот. Мне, если честно, вообще не все дети нравятся. Больные совсем не нравятся.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Александра. – Если ребенок простудился – то он не вызывает симпатии? Или даже антипатию вызывает?.. Если у ребенка температура... Нина Максимовна, вас отталкивает Настина аллергия на некоторые запахи?

– Бог с вами, – даже обиделась няня. – Разве я об этом? Все дети болеют, большое дело... Я со своими вообще из бюллетеней не вылезала. Настина аллергия – совсем пустяки. Я не про эти болезни говорю, я про те, которые... не излечиваются. Которые... душевные. Вот таких больных я не люблю. Извините. Понимаю, что это нехорошо, но вот ничего с собой поделать не могу. Не нравятся мне такие больные. Даже если это дети.

– И что именно настораживает вас в Насте? – помолчав, спросила Александра. – Вы сказали, что она странная. Вам кажется, что она... больна?

– Ой, да ничего она не больная! – Нина Максимовна с досадой хлопнула себя по коленям. – Как-то я всё не так говорю... Это я не про нее, я про тех, кто мне не нравится... для примера. Настя-то здоровая, это же видно. И умненькая такая, и веселая... И добрая. Хорошая девочка. А что странная... Это я потому сказала, что по-другому объяснить не могу. Настя уж очень... взрослая. Это вы к ней привыкли, а я прямо обалдела в первый раз. Ведь пять лет только, совсем еще козявка... должна быть. Знаете, что она мне сегодня говорила? Чтобы я вас не боялась, потому что вы в глубине

души добрая. В глубине души! И что в принципе вас можно уговорить... В принципе! А?... Что если проголосовать большинством голосов, то вы согласитесь с мнением большинства, если это мнение достаточно разумное. Большинство голосов! Достаточно разумные! Пять лет! Саша, вы сами разве не считаете это странным?

– Это она впечатление на вас пыталась произвести, – объяснила Александра. – С новыми людьми Настя всегда так начинает говорить. Психическая атака. Мартышка хитрая... Чирикает что-нибудь такое – и следит за реакцией. Заметит слабые места – и начинает использовать их в своих личных целях... Вы ей что-нибудь ответили?

– Да глупость какую-то... – Нина Максимовна смущенно поежилась и виновато хлопнула глазами. – Сказала, что история доказала, что большинством голосов принимались как раз самые неразумные решения. Это я от неожиданности...

– Замечательно, – похвалила Александра. – Вы очень правильно ответили. И как она отреагировала?

– Сказала, что тогда голосовать не будем, а будем искать консенсус. Консенсус!.. Саша, я при ней теряюсь, честное слово. Когда болела, хныкала, капризничала – ребенок как ребенок. Да и сегодня, пока бегала и прыгала, – тоже ничего. А как заговорит – так и все... Да еще на всех языках... Да еще слова такие... Я даже не знаю, как ей отвечать. Я даже иногда ее... боюсь.

– Мне показалось, что вы боитесь ее отца, – заметила

Александра слегка насмешливо. Совсем слегка.

– Конечно, – без обиды согласилась Нина Максимовна. – Если дочь в пять лет такая, то отец-то у нее какой? Даже представить невозможно. Я ведь привыкла с обыкновенными людьми... Не скажу, что с глупыми, разные попадались, и умные тоже, и даже очень умные... Но обыкновенные. А тут просто... прищельцы какие-то. Как хоть с ними говорить? Хозяин смотрит, как на лягушку. Так и кажется: квакнешь что-нибудь – а он смеяться начнет. Или препарирует – и под микроскоп. Как вы-то его не боитесь? Не понимаю.

– Самый большой грех – это страх. – Александра внимательно приглядывалась к няне и думала, что ей можно рассказать. – Нина Максимовна, уверяю вас – Насте очень повезло с отцом. А нам очень повезло с хозяином. Владимир Сергеевич – человек умный. Никакой не прищелец, обычный человек. Слегка травмированный собственным величием. Потому и смотрит так. Это привычка, лично к вам никакого отношения не имеет. Стереотип поведения годами вырабатывался. Он даже с Настей грозным голосом говорит, вы разве не заметили? Но дочь он любит. Очень любит, очень. Конечно, многие своих детей любят, даже в этом кругу. Но как любят? По принципу «пусть у ребенка будет все». Очень немногие понимают, что такое «все». Думают, что это самые дорогие вещи, самая дорогая еда, самые дорогие курорты... Но это бы еще ничего, если ребенка хоть чему-нибудь учить. А учат главным образом вседозволенно-

сти. Чувству собственной исключительности. Большинство людей этого круга уверены, что всё – навсегда. Они навсегда, деньги навсегда, власть навсегда, возможности навсегда... Вседозволенность навсегда. В случае перемены статуса дети оказываются совершенно не приспособлены к реальной жизни. Некоторые просто погибают. Я не хочу, чтобы Настя когда-нибудь оказалась беспомощной мартышкой без царя в голове и без элементарных навыков самообслуживания. Я хочу хоть как-нибудь защитить ее заранее. Может быть, ей никогда не придется в поте лица зарабатывать на кусок хлеба... И даже скорее всего – не придется. Но жизнь – штука довольно подлая. У судьбы, как правило, большая фантазия и черный юмор. И если все-таки что-нибудь случится... такое... незапланированное – я хочу, чтобы девочка осталась здоровой. В том самом смысле, о котором вы говорили. Чтобы у нее не было депрессий по поводу недоступности бриллиантовых колец или еще каких-нибудь глупостей. Я хочу, чтобы она выросла сильной, образованной и... адекватной. Это ведь в любом случае пригодится. Если она навсегда останется в этом кругу – так, пожалуй, еще и больше пригодится... Может быть, делом каким-нибудь займется. Настоящим, полезным. И не свихнется от бессмысленности существования. Или от собственного всемогущества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.